

А. Шемионко

ВИНЕГРЕТ
из нашей
ЖИЗНИ

КНИГА
1
ПЕРВАЯ

**КТО В АРМИИ
СЛУЖИЛ,
ТОТ В ЦИРКЕ
НЕ СМЕЁТСЯ**

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2013

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ш36

Дизайн обложки и рисунки автора

Шемионко, А. Ф.

Ш36 Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся /
А. Шемионко. — СПб. : «Реноме», 2013. — 256 с. : ил. —
(Серия «Винегрет из нашей жизни». Кн. 1).

ISBN 978-5-91918-290-0

В этой книге и в нашей жизни всё, как в известном блюде — винегрете, чего только не намешано: людские судьбы, сдобренные легендами и байками, посыпанные орденами, колючками и медалями, с добавлением небольшого количества навоза и лепестков роз, залитые соусом из слёз и смеха, приправленные по вкусу, для любителей остренького, стрельбой, героикой и юмором.

Это первая из серии книг, задуманных автором под общим заглавием «Винегрет из нашей жизни».

Название книги «Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся» говорит само за себя. Она будет интересна не только тем, кто сам прошёл школу армейской жизни, но и тем, кто об армии знает понаслышке, не только мужчинам, но и их верным подругам, которым наверняка хотелось бы узнать, чем это занимаются мужчины, надевшие солдатскую форму...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Для детей старше 16 лет.

Автор предупреждает:

не все действующие лица книги являются вымышленными,
и обнаруженное сходство — не всегда случайность!..

© Шемионко А. Ф., 2013
ISBN 978-5-91918-290-0 © Оформление. ООО «Реноме», 2013

ОКОП

Всё тайное рано или поздно становится явным.

Народная мудрость

Командир отдельного фельдъегерского взвода, называемого в полку «дикой дивизией», был по жизни очень невезучий человек. То ногу ломал, то руку, и на время отсутствия его обязанности приходилось исполнять заместителю, кем и являлся в то время Саня Белозёров.

Почему их звали «дикой дивизией», объяснялось просто. Нервные были ребята! Достаточно было почитать инструкцию по сопровождению документов типа: «При нападении на машину фельдъегерской связи необходимо применить все меры для отражения нападения. В случае невозможности отражения нападения применить все меры для уничтожения документации и ликвидировать носителя информации...» То есть того, кто её везет, поскольку некоторые особо важные виды информации передавались в устной форме фельдъегерям, на случай её утраты. Ну, вы поняли, как говорят в Одессе! Белозёрову один знакомый «секретчик», который воевал в Афганистане, рассказывал: «Сижу в бронетранспортёре с канистрой бензина в одной руке и секретными документами в другой и жду, когда граната упадёт в люк, нервничаю...»

Помимо фельдъегерей во взводе служили водители автомашин старших офицеров полка и сотрудники строевой части, то есть полкового отдела кадров. Сам фельдъегерский взвод, хоть и назывался «отдельным»,

был прикомандирован к третьей роте полка для того, чтобы хоть кто-то из офицерского состава был надзирающим над этой «дикой дивизией».

Когда при построении присутствовал командир батальона, каждый раз повторялась одна и та же сцена:

— Батальон! Равняйся! Смирно! Белозёров, уведи своих раздолбаев на левый фланг и встань за четвёртой ротой. Мне людей надо считать, а не раздолбаев! — слышался грозный рык командира второго батальона майора Маслова.

— Не могу, товарищ майор! По штату я прикомандирован к третьей роте и обязан стоять вместе с ними, — отвечает Белозёров.

— Что? Пререкаться? Выйти из строя, шагом марш! — командует Масёл.

Белозёров, нарочито чеканя шаг, выходит из строя и, лихо развернувшись к Маслову лицом, замирает по стойке «смирно». Комбат подходит к Белозёрову:

— Ну что, сержант, служба надоела? Решил попрекаться с начальником?

— Никак нет, товарищ майор! Только по штату... — Саня не успевает досказать, его прерывает майор.

— Ты поговори ещё у меня! На «губе» сгною! Почему ремень висит на яйцах? Подтянуть!

— Есть подтянуть! — Белозёров, сделав вид, что уменьшил длину ремня, просто цепляет его за нижнюю пуговицу кителя.

— Встать в строй! — командует Маслов.

Белозёров, чеканя шаг, становится в строй, но при развороте кругом подлый ремень опять сползает вниз, отцепившись от пуговицы!

Это всё видит Масёл и, побагровев от гнева, орёт:

— Трое суток ареста!

— Есть трое суток ареста, товарищ майор! Только если их объявит начальник штаба подполковник Феоктистов, поскольку я подчиняюсь только ему в соответствии со штатным расписанием!

Масёл багровеет ещё больше и медленно говорит:

— Сержант Белозёров, бегом марш к начальнику штаба. И доложите подполковнику Феоктистову, что я объявил вам трое суток ареста!

— Есть, товарищ майор! — кричит Белозёров и бегом мчится к зданию, где располагается штаб.

Как шелудивый кот, Саня скребётся в дверь к начальнику и, получив разрешение, входит в кабинет.

— Что тебе, Белозёров? — спрашивает шеф.

Шеф — подполковник Феоктистов — ещё достаточно молодой мужчина небольшого роста, немного полноватый. Своё округлившееся брюшко он старательно затягивает широким офицерским ремнём. Если внимательно приглядеться, то в его облике можно найти большое сходство с бывшим императором Франции Наполеоном Бонапартом. Это сходство быстро подметили все военнослужащие и за глаза называли подполковника Бонапартом или просто Наполеоном. Узнав об этом, шеф иногда спрашивал Белозёрова, что, мол, он действительно похож на Наполеона? Подходил к зеркалу и, вскинув голову, закладывая пальцы правой руки между пуговиц мундира. Впоследствии этот жест вошёл в привычку, и шеф ходил так постоянно, не обращая внимания на «хи-хи» за его спиной...

— Товарищ подполковник! Тут такое дело... — Саня топчется с ноги на ногу.

— Короче, Александр! Не топчись, как кот на мягком одеяле. Мне некогда, готовлюсь к московской комиссии. Кстати, ты мне через полчаса будешь нужен, пойдём по караулам. Надо всё привести в порядок, чтобы ни сучка ни задоринки, будут проверять караульную службу. Ну, что у тебя?

Белозёров вкратце рассказал о случившемся и доложил по форме, что комбат объявил ему трое суток ареста.

— Какие трое суток? Комиссия на носу. Пошёл вон! И комбата своего прихвати туда же. Бегом марш! Выполнять! — крикнул начштаба.

Белозёров, птясь, выскочил из кабинета начальника штаба и сразу наткнулся на Масла, который решил проследить, пойдёт Белозёров докладывать или нет.

— Ну что? Доложил? — спросил Маслов.

— Так точно! Доложил! — сказал Саня, вытянувшись по стойке «смирно».

— Ну и?..

— Да как бы сказать, товарищ майор, помягче... — помялся Белозёров. — В общем, нас с вами послали в «одно место»!

— Что?!! — прорычал Маслов и без стука вломился в кабинет шефа.

Саня сделал вид, что уходит, но когда майор скрылся за дверью кабинета, сразу вернулся и приложил к двери ухо.

— Товарищ подполковник! Ваш Белозёров просто обнаглел! — кричал, распаляясь, майор.

— Слава, ну угомонись. Тебе что, командовать некем?

— Но он же распоясался совсем!

— У тебя что, дел нет, заняться нечем? — повысил голос Феоктистов. — Белозёров сейчас исполняет обязанности командира взвода. Взвод отдельный, приравнивается к батальону и подчиняется только мне и командиру полка. На носу московская комиссия, и что, Белозёров будет на «губе» сидеть, а нам с тобой отдуваться? Вы же два командира батальонов, ну разберитесь между собой полюбовно. Ну чего ты к нему пристал? У меня от вас уже голова болит. Свободен, Слава!

Услышав последние слова шефа, Саня бегом бросился по лестнице вниз и закрылся в офицерском туалете.

Только вечером, когда основная масса сотрудников уже ушла домой, ему рассказали в штабе, что Масёл бегал по территории части с пистолетом в руке и орал: «Убью засранца! Замордую! Дерьмо жрать заставлю!!!»

Просидев полчаса за закрытой дверью туалета, Саня вернулся на второй этаж штаба, постучал в дверь кабинета шефа и, на всякий случай оглядевшись по сторонам, тихонько зашёл, сделав вид, что ничего не случилось.

— Александр! Пошли по караулам. Надо подготовиться к комиссии. Будешь фиксировать все недостатки, а я потом дам команду, чтобы их устранили.

Они с подполковником обошли всю территорию части. По пути начштаба давал необходимые указания:

— Здесь новые доски пусть прибьют к забору. Здесь надо поменять колючую проволоку. Эти бочки убрать к ядрёной бабушке. Тут пусть обновят огнетушители и караульную будку покрасят. Так, а здесь у нас склад артвооружений? Значит, по инструкции должна быть караульная вышка, а под ней окоп полного профиля.

— Так точно! — ответил Саня. — Вышка присутствует, а окопа никогда не было.

Караульная вышка действительно была, и стояла она на огромной гранитной плите самого что ни на есть естественного происхождения.

Шеф обошёл вышку, потоптался по снегу, прикрывающему плиту, и сказал:

— К утру чтобы был окоп полного профиля! Твой взвод займётся. Утром доложишь об исполнении.

Белозёров хотел было возразить шефу, что задание невыполнимо, что здесь не то что вырыть окоп, даже взорвать эту плиту невозможно, но поток его мыслей подполковник прервал одной фразой:

— Доложишь о выполнении — всему личному составу на три дня увольнение в город, в обход устава! Как меня понял? Всем увольнение, всем...

Мысль о трёх днях увольнения помутила рассудок, и Саня бодро ответил:

— Так точно, товарищ подполковник! Сделаем, не жалея ни сил, ни здоровья! Не подведём! Разрешите выполнять!

— Утром жду с докладом. Всем скажи, чтобы при необходимости содействовали в выполнении задачи. Это мой приказ! Выполняй!

Вернувшись в роту, Саня собрал и построил свой «дикий» взвод и, медленно расхаживая перед строем солдат, озвучил поставленную перед ними задачу:

— Итак, товарищи бойцы! Перед караульной вышкой, возле склада артвооружений, необходимо выкопать окоп полного профиля, как положено по уставу. И утром доложить руководству части об исполнении.

— Но там же, товарищ сержант, гранитная плита, её же надо отбойными молотками месяц долбить, и то не факт, что получится.

Белозёров сделал страшное лицо и заорал:

— Что? Молчать!!! Разговорчики в строю! Кто разрешил? — И, видя изумлённые лица солдат, уже нормальным голосом, добавил: — Что? Подумали, что у сержанта крыша поехала? Да, бойцы? Ладно, вольно, можно расслабиться и покурить. Пойдем в курилку, всё обсудим!

Закурив сигарету, Саня распределил бойцов, дав каждому конкретное задание:

— Вы двое — за лопатами и песком. Вы — за вёдрами и ломami и организуйте воду. Ты, Новак, организуй доставку к вышке бетонных плит, которые лежат в автопарке неизвестно для каких целей. Если будут лишние вопросы, скажи, что это приказ начальника штаба, будут упрямыться — отправляй всех ко мне! Как поняли? Приём! Выполнять, быстро!

Солдаты разбежались выполнять приказ и через пятнадцать минут уже стояли у караульной вышки. Снега в этот год выпало много, и ребята без труда вырыли и сформировали в снегу «окоп полного профиля». Потом это сооружение облили водой, а когда она замёрзла, засыпали песком. Процедуру обливания водой и засыпания песком для верности повторили несколько раз. После окончательного «оледенения» дно и стенки окопа немного аккуратно подолбили ломami, чтобы видны были следы «непомерного труда». Сверху уложили бетонные плиты и организовали ячейки для стрельбы,

которые обложили досками, чтобы «не рикошетили пули». Через час работа была закончена.

Вернувшись в роту, Белозёров проинструктировал дежурного, чтобы его взвод не поднимали по команде «Подъём», а потом принесли им всем еду из столовой прямо в казарму, объяснив интересующимся, что люди работали всю ночь по приказу начштаба.

Утром в казарму зашёл шеф и, выслушав объяснения дежурного по роте, дал команду «Белозёровских» не будить. Часам к десяти, когда уже надоело лежать в койке, Саня пришёл к начштабу и сонным голосом доложил:

— Товарищ подполковник, ваше приказание выполнено! Окоп полного профиля у караульной вышки сооружён. Люди работали всю ночь, теперь отдыхают! Сделали всё, что могли!

— Знаю, видел. Отличный окоп! Трудно было?

— Да мы люди привычные. Жду ваших дальнейших распоряжений! — бойко отрапортовал Белозёров.

— Я свои обещания держу, — сказал шеф, вручая Сане пачку увольнительных листов. — Заполни сам, моя подпись и печать есть. Если спросят, почему увольнение в будние дни, скажи — приказ начальника штаба! Гуляйте! Молодцы!

«Молодцы» гуляли три дня.

И всё было бы хорошо, если бы не наступила весна! Бывает такое иногда в природе, ну, примерно раз в год. И случилась долгая оттепель, после которой окоп банально, не испросив ни у кого разрешения, растаял! Когда Белозёров в очередной раз пошёл с начальником штаба по караулам, то многие сослуживцы видели, как

«Наполеон», заложив правую руку за борт шинели, в позе своего великого двойника, тупо смотрел на бетонные плиты, лежавшие на гранитной сопке, да горки песка, обозначавшие место бывшего «окопа полного профиля». Потом его лицо стало цвета спелой свёклы и, набирая обороты и разгоняя густые облака над территорией части, в небо понеслась «ненормативная лексика», продолжавшаяся минут пятнадцать. А Белозёров, сняв ремень, отправился на местную гауптвахту сидеть трое суток в одиночной камере, которую называли «камера смертников».

Гауптвахта

Знает мясо, чью кошку съели!

От автора

Гарнизонная гауптвахта представляла собой небольшое помещение, разделённое на несколько камер для солдат и сержантов и отдельно для офицеров и прапорщиков. Вся территория гауптвахты была огорожена высоким забором, за которым был плац для проведения строевых занятий в целях воспитания «заклоченных» и наставления их на путь истинный.

Это была солдатская тюрьма, но иногда из других гарнизонов привозили и матросов. За отсидку матросов платили краской и спиртом, поэтому начальник гауптвахты майор Сидоренко был самым уважаемым в гарнизоне человеком, у которого всегда можно было добыть необходимое количество краски для нужд части. Про спирт история умалчивает.

Была также одна одиночная камера, в которую сажали особо опасных преступников. К ним и отнесли Белозёрова по приказу начштаба после истории с окопом.

Майор Сидоренко был худой высокий мужик с чёрными усами, как со старинной картины. В мирной жизни это был человек безобидный, но с болячкой — язвой желудка. Язва эта грызла его изнутри, а он вымещал свою боль на подчинённых и сидельцах гауптвахты. Порядки в этой тюрьме были просто драконовские, если не сказать хуже. Гестапо отдыхает!

День начинался примерно так. В шесть утра подъём. После построения «зэков» на тюремном плацу выходил майор Сидоренко, которому отдавали рапорт. Начинаясь перекличка. После этого майор задавал какой-нибудь безобидный вопрос. Что он мог спросить, нельзя было угадать никогда, потому что всякий раз вопросы были совершенно разные. Ну, что-то вроде:

— Доблестные связисты есть? — кричал майор.

— Так точно, товарищ майор! Есть! — Всегда кто-то из вновь прибывших попадался на эту удочку, думая, что можно будет получить послабление режима или просто провести день в тепле, ремонтируя какой-нибудь старенький обшарпанный радиоприёмник.

— Выйти из строя! — командовал Сидоренко.

А когда гордый связист выходил, свысока глядя на остальных «зэков», Сидоренко злорадно приказывал:

— На самые грязные работы засранца! В галюнь его, и чтобы очко потом блестело, как кошачьи радости! Зубной щёткой пусть его драит, без всякой химии! Я лично буду проверять, и чтобы ни единого пятнышка!

— За что, товарищ майор? — недоумевал «засранец».

— За то, что позоришь эти уважаемые войска! А за вопрос без моего разрешения дополнительно ещё одни сутки ареста!!!

«Счастливики» отправлялся чистить местный туалет, а у всех остальных повышалось настроение. Всё-таки им хоть чуть-чуть, но было лучше, чем «засранцу».

Хотя и началась весна, на улице ещё лежал снег, и было очень холодно. Печи, расположенные в помещении гауптвахты, топились строго по расписанию. Расписание висело на каждой печи. Выглядело оно примерно так:

Первая топка: с 6.00 до 8.00.

Вторая топка: с 12.00 до 14.00.

Третья топка: с 18.00 до 20.00.

За эти положенные по расписанию два часа на топку нужно было успеть принести дров, наколоть их, уложить в печь, разжечь, дать погореть и затем... залить водой. Всё в строго отведённое время. Короче, стоило поленьям разгореться, а их уже пора было заливать. Так что ничего, кроме дыма, эти печки не давали.

В камерах были только деревянные лежаки, как на пляже, под названием «арестантские нары», или сокращенно «АНЫ». В то время самолёты типа АН-24 были очень популярны, поэтому все арестованные, которым приходилось спать на «АНах», назывались лётчиками независимо от рода их войск.

Камера-одиночка, куда попал Саня, представляла собой помещение два на два метра в длину и ширину и три метра в высоту. Под самым потолком было небольшое зарешечённое окно без стекла, и в него жутко дул холодный ветер. На ночь выдавали табурет, на котором можно

было прикорнуть до утра. Утром табурет забирали, и, чтобы согреться, приходилось мерить камеру шагами. Раз, два, три, поворот, раз, два, три, поворот!

Саня шагает по камере, а в голову лезут стихи Маяковского, которые он тут же переделывает в соответствии с обстановкой:

— «Под старую телегою солдатики сидят, а вместо гауптвахты здесь будет город-сад!» Нет, лучше так: «На арестантских нарах солдатики лежат, а лучше бы на пляже, среди раздетых баб». Ну... и конечно, пусть будет город-сад! Чушь какая, но вроде стало как-то теплей.

Воды лучше было пить поменьше, так как выводили в туалет из одиночки весьма неохотно — считали, что сидят там одни убийцы! Чтобы выйти в туалет, надо было позвать выводного солдата криком: «Ружьё! Ружьё!», так было принято на «губе».

— Ружьё! Ружьё! Я в туалет хочу! — заорал Белозёров и отошёл к дальней стене, ожидая пока откроется маленькое окошко в двери камеры.

В окошке появилось круглое румяное лицо:

— Ну, чё тебе, убивец?

— Я не убивец, я такой же сержант, как и ты, и я хочу в туалет!

— А больше ты ничего не хочешь?

— Я сейчас помочусь в камере, а ты потом будешь объяснять начальнику «губы», кто здесь у «убивца» будет убирать. Не боишься отправиться в соседнюю камеру? А?

Посадить в камеру «выводного» было действительно достаточно просто. Если последний был дерьмо-человек, жестоко обращался с содержащимися на «губе»

и его хотели проучить, то для начала выбирали из числа арестантов «водящего», выбрасывая жребий на пальцах. Затем при общем построении, когда начальник «губы» осматривал и учил уму-разуму нарушивших устав, «водящий» просил у начальника прикурить и доставал из шинели сигарету. Курить на «губе» было строжайше запрещено, а сигареты изымались ещё при личном досмотре доставленного на «отсидку». Но, естественно, найти можно было не всё! После этого «водящий» получал дополнительный срок, а «выводного», сняв с него ремень и отобрав оружие, сажали в камеру. Ну а уж там были разборки «по существу вопроса». Поэтому солдаты, которые охраняли арестантов, обычно вели себя достаточно корректно.

— Ну, идём или как? — опять спросил Белозёров. — И нечего на меня так влюбленно глядеть. Я не девочка и не зеркало. Или ты решил, что попал в Эрмитаж? Я чё, похож на картину «Не ждали»?

— Кого не ждали? Эрмитаж? — недоумённо спросило румяное лицо.

— Ну, не тебя, это точно.

— Ладно, выходи, лицом к стене, руки за спину! Держаться правой стороны коридора, бегом марш!

Белозёров побежал к туалету, на ходу расстёгивая штаны. Кабинок в туалете не было, в центре помещения стояли только два унитаза, каждый из которых был обложен со всех сторон кирпичами, чтобы можно было взобраться на него, как на трон. В зад Сане сразу больно уперся штык от карабина сопровождающего его сержанта — «выводного».

— Ты чего делаешь, больно ведь, убери штык! — наигранно завизжал Саня.

— Давай, давай! Быстрее опорожнишься, убивец! — сказал «выводной», продолжая держать под прицелом Санину задницу.

— Я тебе уже говорил, никакой я не убивец.

— Знаю я, кого в одиночные камеры сажают! — сказал сержант, продолжая охранять бесценное заднее место Белозёрова. — Одних только убивцев. Шевелись, давай, тут тебе не Ермитаж.

— Ну, убивец так убивец, — бормотал Саня, шагая назад в камеру, поняв, что спорить с «выводным» не имеет никакого смысла.

Холодно, и время тянется, как резиновое. Раз, два, три, поворот. Раз, два, три, поворот. Белозёров ходит по узкой камере-пеналу, чтобы хоть как-то согреться. А ещё жутко хочется есть. После того, что здесь давали сегодня на обед, еда в солдатской столовой кажется приготовленной в перворазрядном ресторане. Белозёров попытался вспомнить, что он ел за обедом, но так и не смог. Помнил только, что всё было ужасно холодное и что всё это надо было обязательно съесть. Иначе в ледяной камере не согреться никогда и можно замёрзнуть насмерть!

Сейчас Саня согласился бы съесть даже ту квашеную капусту, от одних воспоминаний о которой его тошнило после первого наряда на кухню. Тогда его сначала поставили в группу, которая получала на складах продукты...

Пожилой прапорщик подвел Белозёрова к огромной бочке с квашеной капустой. Таких больших бочек Саня в своей жизни ещё не видел. Чтобы попасть в неё, снаружи к бочке были приставлены деревянные мостки, а внутрь опущена длинная металлическая лестница. Размахнувшись, прапорщик бросил внутрь бочки несколько алюминиевых бачков и, взобравшись на мостки, стал, кряхтя, спускаться в её нутро. На мостках стояла пара блестящих резиновых сапог, предназначенных для того, чтобы переодеться перед спуском внутрь бочки. Но наш прапорщик этими правилами явно пренебрегал и залез на капусту прямо в своих хромовых сапогах, только что топтавших улицу. Наполнив бачки капустой, он поочередно поднял их наверх и передал Белозёрову, который с другими солдатами отнёс их на кухню.

Когда солдатики тащили злосчастные бачки, Саня спросил прапорщика:

— Товарищ прапорщик! Как же эту капусту есть, вы же прямо в сапогах в бочку залезали?

— Ничего, сынки, сожрёте. Всё равно капуста такая переквашенная, что её, чтобы есть, ещё надо целый час промывать под проточной водой. Так что будет она стерильная, что твой бинт, а ещё зальют её постным маслом, да с лучком прошлогодним. Объедение, да и только. Ну, стошнит один раз, а потом с голодухи пойдёт она как по маслу! Ещё добавки просить будете. Всем понятно? Не слышу?

— Так точно! — буркнули все хором и молча поплелись в сторону кухни.

Дальше было интереснее. День был воскресный, и в этот день варили кофе с молоком. Повар вскрыл

металлические банки со сгущенным молоком, обмазанные сверху густой технической смазкой типа солидола, чтобы не ржавели от длительного хранения в сырых помещениях склада. После этого банки вместе с приклеенными к ним этикетками перекочевали в большой электрический котёл, где были залиты водой и доведены до кипения. Потом повар долго мешал их большим деревянным веслом. Когда эта процедура была закончена, пустые, чисто вымытые банки из-под сгущенки и бумажные этикетки от них были выловлены из котла ситом на длинной деревянной ручке. Затем в котел засыпали «ароматный кофе». На пачке, из которой насыпался кофе, Саня прочитал:

— Кофейный овсяный напиток «Кубань».

Причём слово «овсяный» было написано очень мелким шрифтом, вероятно, чтобы не расстраивать читающих этикетку любителей этого экзотического напитка.

Переваривая в голове всё увиденное утром, во время наступившего обеда Белозёров честно пытался запихнуть в себя недоваренные макароны, но они ни в какую не хотели жить в Санином организме. После этого наряда на кухню Белозёров не ел три дня. Только немного хлеба. Потом, конечно, голод, который не тётка, взял своё, и Белозёровский организм со словами: «Спасибо, товарищ Сталин, за наше счастливое детство!» стал принимать в себя всё, даже недоваренные гвозди и мелко нарезанные солдатские ремни. А за поговорку «Пусть эту кашу медведь ест. У него желудок кожаный» можно было и в морду получить. Ишь ты, медведь, самим каши мало!

Есть хотелось всегда, и ребята втихомолку воровали со столов недоеденный хлеб и прятали его по карманам,

чтобы съесть после отбоя в кровати или запершись в кабинке туалета. Продолжалось это недолго, кого-то поймали за этим занятием и дали команду зашить наглухо все карманы на одежде.

Помня «уроки прошлого», Белозёров не давал команды своим подчинённым, чтобы они зашивали карманы. Он просто останавливал взвод возле входа в казарму и заставлял добровольно предъявить всё содержимое карманов на досмотр. Съестное разрешалось съесть на месте, только после этого все заходили в помещение казармы. Иначе было нельзя, могли одолеть тараканы, а также мышки, крыски и другие «забавные животные», которые в изобилии водились на местном свинарнике...

— Да! Капустки бы сейчас прошлогодней, с душиком и засохшим хлебушком, да с машинным маслицем! — помечтал Белозёров и, сунув руку в карман шинели, извлёк оттуда небольшую хлебную корочку, припрятанную им ещё в обед. Поднеся её к носу, он глубоко втянул ноздрями воздух. От хлебного запаха закружилась голова, и Саня, чтобы не упасть, сел на корточки, прислонившись спиной к холодной каменной стене.

— Нельзя, — сказал он себе, — это Серому, скоро придёт мой маленький наглый брат. Сейчас его время наступает. — Саня посмотрел на часы.

С маленьким братом он познакомился в свой первый день пребывания на гауптвахте. Ближе к ночи в углу камеры возле табурета что-то зашуршало, и в полоску света на самую середину камеры вышел... небольшой серый мышонок. Нисколько не боясь, он с любопыт-

ством уставился на «сидельца», как бы вопрошая: «А ты кто такой? И чего здесь делаешь? Это моя территория». Белозёров замер, чтобы его не спугнуть. Так они и просидели минут десять. Потом мышонок, совсем осмелев, начал бегать по камере и подбирать мелкие крошки от хлеба, упавшие во время еды на пол. Побегав ещё минут десять, он подбежал к своей норе, обернулся на прощание и, как бы спрашивая: «Точно больше ничего нет?», блеснул чёрными глазками на хитрой усатой мордочке и скрылся в темноте.

На другой день Саня заначил небольшой кусочек хлеба, и вечером с мышонком они уже были друзья, «проболтав» часа полтора. Сегодня он решил попробовать покормить мышонка с руки и тихо сидел на корточках в ожидании прихода своего маленького друга.

— Да. Я-то выйду отсюда через день, а ты, брат, будешь сидеть в этой тюрьме до самого дембеля. Бедолага. Правда, где родился там и родина. Не всем же на Багамах жить, — бормотал Белозёров, прикрыв глаза и сунув замёрзший нос в воротник шинели.

— Ничего, хвостатый, мы их всех переживём и будем с тобой знаменитые на весь мир. Не веришь? — Саня наклонился и заглянул в тёмную нору. — Мне ребята рассказывали, что в Корзуново — есть такое место, где лётчики базируются, — служил первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. Спросишь: «Ну и что?» А то. Он тоже был, оказывается, не самый примерный в мире солдат. И тоже неоднократно сидел на местной гауптвахте. Вот так. Там даже в камере, где он сидел, была надпись: «Здесь сидел Гагарин». Надпись, конечно, закрасили, а после того как Гагарин полетел в кос-

мос, не поверишь, восстановили. И теперь в эту камеру сажают только по большому благу, ну, чтобы тебе было понятно, по знакомству. И только отличников боевой и политической подготовки. Вот так, брат! А поскольку я отличник боевой и политической подготовки, то я обязательно полечу в космос. Ну и, естественно, возьму тебя или кого-то из твоих родственников. Ты только им всё расскажи, что я тебе говорил. А сейчас давай оставим в этой камере надпись: «Здесь был Саня».

Белозёров встал и звёздочкой от пилотки нацарапал на стене: «Здесь был Саня», он хотел ещё приписать фамилию, но, немного подумав, зачеркнул всё написанное ранее.

— Нет, Серый, не будем торопить события. А то ещё и схлопочем дополнительные трое суток ареста. И не быть нам космонавтами. А когда станем космонавтами, вернёмся сюда и напишем на всю стену: «Здесь сидел Белозёров Саня и его друг Серый». И пусть потом историки перероют всю мою биографию, отыскивая моего неизвестного друга по имени Серый!

Белозёров опять сел на корточки и прислонился к стене, поглядывая на нору и держа в руке корочку обалденно пахнущего хлеба. Но мышонок так и не появился.

Вскоре от холодной стены пошли мурашки аж по всему телу. Саня быстро поднялся на ноги и зайчиком запрыгал по камере, пытаясь согреться.

Минут через десять в камеру потянуло дымком. Это водой тушили в коридоре печи, поскольку кончилось время, отведённое на их топку и обогрев помещений. Какой дебил и когда придумал этот ритуал, не знал и не помнил уже никто, но соблюдался он безукоризненно!

В камеру вернули отобранный с утра табурет, на котором Белозёров, прислонившись к стене, мог немного вздремнуть до следующего подъёма. Он почти задремал, подняв воротник и пытаясь согреться собственным дыханием, когда дверь камеры со страшным лязгом распахнулась и солдатик «выводной» прокричал:

— Арестованный, на выход! К начальнику гауптвахты!

Белозёров встал, сунул руку в карман, вытащил хлебную корочку и незаметно бросил её под табурет к мышьиной норе. После чего заложил руки за спину и, под команды «выводного»: «Лицом к стене! Налево! Прямо по коридору! Шагом марш! Стоять! Лицом к стене!», постоянно ощущая уткнувшийся ему между лопатками штык карабина, медленно побрёл в помещение, которое называлось кабинетом начальника гауптвахты. Оно почти не отличалось от остальных камер, разве что в нем было немного почище да стояла деревянная мебель, состоящая из стола, трёх стульев, шкафа для бумаг и дивана. На стене висел портрет одного из тогдашних руководителей страны и обязательный портрет Ленина. А ещё здесь была своя отдельная печка, в которой жарко горели берёзовые поленья, отчего становилось очень тепло. А по сравнению с одиночной камерой, даже уютно.

— Товарищ майор, арестованный Белозёров по вашему приказанию доставлен! — бодро отрапортовал выводной и, получив разрешение уйти, вышел из «камеры» начальника, закрыв за собой дверь.

— Ну, друг ситный, расскажи, за что же тебя отправили на гарнизонную гауптвахту? А то в сопроводилровке

написано: «За обман руководства». Я уже пять лет здесь начальником и впервые встречаю такую формулировку. Обычно же как пишут: «За отклонение от уставного требования». Что это значит? А это — самовольные отлучки из части, ну и вытекающие отсюда последствия, то бишь бабы и пьянка. А тут: «За обман руководства». Да ещё с направлением именно в одиночную камеру. Ну, я весь внимание!

Чтобы подольше побыть в тёплом помещении, Белозёров не торопясь начал рассказывать про шефа — начальника штаба, про московскую комиссию, про вырытый в снегу окоп, который, естественно, растаял, ну и что из этого получилось. А почему в одиночную камеру, так шеф сказал, что в общей камере — это, мол, не наказание. Там компания таких же раздолбаев, как и ты, и какое-никакое, но общение. Кто анекдот расскажет, кто про свои похождения с девчонками. А подумать про жизнь и своё поведение можно только в одиночке. Пять дней — это, мол, многовато, а три в самый раз для неокрепшей психики.

Рассказывать в лицах, меняя голос и интонации, Саня умел и вволю потешил начальника гауптвахты, который в процессе Саниных рассказней от души хохотал и даже, утерев глаза носовым платком, показал Белозёрову на стул, разрешая ему сесть. Саня сел, а майор закрыл дверь на ключ и достал из шкафа банку тушёной говядины и три стакана. Потом, открыв ножом банку тушёнки, он налил в два стакана немного неразведённого спирта, а в третий воды из графина.

— На, выпей немного, а то у тебя в камере дубак, и кушай тушёнку. Но смотри, если хоть одна живая душа

узнает про это, ты у меня отсюда год не выйдешь! Тут и похоронят. Ты меня понял? — сказал майор и посмотрел на Белозёрова так, что тот понял: майор не шутит.

— Так точно! — сказал Саня и, выпив немного спирта, запил его водой, налитой в третий стакан. Внутри всё обожгло, и в животе сразу появилось ощущение тепла.

— Ну, вот и хорошо! Да ты ешь, ешь! — сказал начальник «губы» уже смягчившимся голосом, пододвинув к Сане банку тушёнки. Потом он выпил одним залпом свой спирт и даже не запил его водой, взял только на кончик ножа немного мяса из банки. «Силён!» — подумал Саня, округлив глаза, но вслух сказать это не решился, не зная, как отреагирует на это майор. Уж больно не хотелось ему идти сейчас назад в камеру с ледяными стенами и разбитым окошком.

Они посидели вместе ещё полчаса. Белозёров веселил майора анекдотами, которых знал множество. После этого начальник «губы» дал ему время, чтобы выкурить сигарету, полученную в качестве «презента», и, вызвав «ружьё», отправил Саню в камеру. Завтра Белозёрова должны были вернуть в строй, так как срок его заключения заканчивался.

Вернувшись в камеру, Саня устроился на табурете и тихо позвал:

— Серый, Серый. Пи-пи-пи...

Никто не отозвался. Ни шороха. Белозёров наклонился и заглянул под табурет. Хлебной корки там уже не было.

— Значит, всё-таки приходил дружбан. Жаль, не повидались, ну хоть поел немного, и я тоже поел немного... — пробормотал Саня и тихо захрапел...

— Товарищ Председатель Президиума Верховного Совета, первый космонавт СССР Белозёров Александр Феликсович к полету готов. — Саня поднял вверх правую руку с мышонком на руке, одетым в маленький оранжевый скафандр. — Второй пилот Серый тоже к полету готов, разрешите выполнять задание Родины. Сделаем всё возможное и невозможное, чтобы советские трудящиеся гордились своей страной. Разрешите выполнять!!!

Полноватый пожилой мужчина, одетый в тёмно-серое пальто и серую шляпу, отделился от общей толпы провожающих и, пожав Сане массивную перчатку, чмокнул в прозрачный гермошлем мышонка. Потом, утерев носовым платком влажные глаза, сказал:

— Ну, с Богом, сынки. Даю разрешение на старт. — Он ненадолго замолчал и тихо добавил: — Вы там обсмотрите. Ну, если что, попросите прощения у НЕГО и за нас. — Стыдливо оглянувшись по сторонам, он перекрестил космонавтов. Потом, напустив на себя серьезное выражение лица, сказал: «Приступить к выполнению задания Родины!»

Саня, держа Серого на вытянутой руке, строевым шагом промаршировал по красной ковровой дорожке, ведущей к ракете. Поднявшись по высоким ступенькам, они зашли в лифт и через пару минут с трудом пропихнулись во входное отверстие.

Устроившись в кресле, Белозёров кожаными ремешками пристегнул Серого к правой ноге и доложил:

— Экипаж к полёту готов! Разрешите взлёт!

В динамиках зашуршало, и пошёл отсчет времени:

— Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один. Пуск!!!

— Поехали!!! Ёшкин кот! — закричал Белозёров.

— Пи-пи-пи. Пипец!!! — закричал мышонок «нечеловеческим» голосом.

Ракета, чихнув три раза, затряслась, застонала и, тихо ойкнув, стала отделяться от земли. Что-то тяжёлое навалилось на тело Белозёрова, и кресло больно ударило по его мягкому месту. Яркие лампочки перед глазами закружились в цветном хороводе. Космонавт, выкатив глаза, оторвал от правой ноги мышонка в скафандре и жутко закричал: «Прощай, Серый! Не быть нам космонавтами!»

— Подъём, боец! На выход! — Это были последние слова напутствия из центра управления полётами, которые космонавт Белозёров услышал, перед тем как упасть на бетонный пол камеры с табурета, который ловко выбил из-под него выводной солдат — «ружьё»...

Эта ночь пронеслась быстрее остальных. И утром, потирая ушибленные места после неудачного жёсткого приземления, Саня в сопровождении знакомого прапорщика из штаба шагал в родную часть на доклад к шефу, после чего чуть было опять не возвратился обратно на «губу». Космонавта Серого после этого случая в камере «смертников» больше никто и никогда не видел.

Правда, говорили, что на Марсе мышь, то есть жизнь, есть!

Ну, по крайней мере, следы, похожие на мышинные, есть точно...

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Начало

Расставаясь с гарнизонной гауптвахтой, Белозёров получил свой ремень и личные вещи, отобранные перед водворением его в одиночную камеру. Начальник гауптвахты, увидев его, незаметно улыбнулся в усы, а потом строго спросил:

— Ну что, боец, ждать тебя ещё раз на «губу» или сам понял, как надо нести армейскую службу?

— Так точно, товарищ майор! Всё понял. В голове полный порядок, как в казарме перед приездом генерала. Буду нести службу в соответствии с уставом и никогда не буду обманывать армейское начальство. Разве что незначительные отклонения от уставного требования, но очень незначительные, — сказал Саня, тоже незаметно подмигнув майору, сразу выскочил в открытые ворота «губы», не дожидаясь реакции со стороны её начальника, который с опозданием погрозил указательным пальцем и, тихо хмыкнув в усы, медленно побрёл в свою «камеру».

Идти до части было совсем близко, и Белозёров выпросил у сопровождающего его прапора сигарету, которую быстро выкурил до прихода в часть. То ли сигарета была слишком крепкая, то ли это была реакция на

свежий воздух после душевой камеры, но в кабинет к начальнику штаба Белозёров вошёл в состоянии человека, махнувшего без закуски бутылку водки. Заплетающимся языком он доложил:

— Товарищ подполковник! Сержант Бе..бе..белозёров прибыл с гарнизонной гауптвахты для дальнейшего прохождения служ..бы..бы..бы!

— Вы откуда его привели, прапорщик? Он же пьяный в стельку! Хотите, чтобы я его, но уже вместе с вами, на «губу» вернул? Что молчим?!

Побледневший прапорщик стал объяснять начальнику, что по пути следования они никуда не заходили и прямо с гауптвахты проследовали в расположение части. И что он только угостил сержанта, по его просьбе, одной сигаретой, оказавшейся, видимо, слишком крепкой. Понемногу и Саня пришёл в себя. Потом его, как две собаки, обнюхали шеф и прапор, так и не учуяв запаха спиртного. Инцидент наконец был исчерпан.

— Ладно, прапорщик, вы свободны, а ты, Белозёров, останься, есть разговор.

— Слушаюсь, товарищ подполковник!

Шеф кивком головы показал Белозёрову на стул и сам сел на своё место. После чего помолчал и закурил сигарету. Потом сказал:

— Не обижаешься на меня за гауптвахту?

— Никак нет! — заорал Саня, вскочив со стула и вытянувшись по стойке «смирно». — Даже Гагарин сидел на губе!

— Да не ори ты так, уши отвалятся, Гагарин. И садись. Плох тот солдат, что не сидел на «губе». Я, когда до военного училища срочную службу проходил, тоже

сидел. Как-нибудь расскажу потом. Ты же сам меня благодарить будешь. Будет потом что на «гражданке» девчонкам рассказать да приврать друзьям! Но я тебя не за этим оставил. Принято решение послать группу военнослужащих в одну из дружественных нам стран. Не буду пока называть, в какую страну именно. Если дашь согласие, сам потом узнаешь. Это ненадолго, месяца на три. Мы посылаем людей и наше оборудование для поддержки какой-то крупной операции. Потом оборудование останется, а люди вернутся домой. Я был против твоей кандидатуры, но им срочно нужен человек с первой формой допуска к секретным документам, и не меньше. Всё у нас делается через «жо». Группа должна быть готова уже завтра, при всём желании мы не успеем оформить кого-то другого. Приказать не могу, потому что поедешь на «далёкие юга», а там, если попадёшь в плен и что-то скажешь по-русски, то самое малое, что тебе сделают, это отрежут яйца и засунут в рот. А иначе будут мучить, пока не умрёшь в страшных мучениях. Там с баранами гуманнее обращаются. Чик по горлу и всё. А с человеком нет. Так что, сынок, лучше в таком случае прикинуться местным военнопленным, глухонемым от полученной контузии. Тем более, у тебя такая внешность, что если пару дней не бриться, ты на этих югах везде сойдёшь за своего. Смеюсь! Ну, так что ты мне ответишь?

— Я согласен, посмотрю мир. Интересно. Тем более, поможем товарищам, — бодро выпалил Белозёров.

— Балда ты малолетняя! Ладно, иди с Богом. Готовься, я дам соответствующие распоряжения. У меня детей нет и, видимо, уже не будет, а ты мне нравишься. Береги себя, сынок. Ну, топай! Удачи тебе.

Через день их наспех сформированную группу перебросили под Москву, где они готовились к «путешествию» ещё месяц, получая необходимые инструкции и навыки, а также штудируя и «полируя» необходимую для работы технику. Потом в один из дней их переодели в какую-то странную, «не нашу», военную форму с многочисленными карманами, загрузили на борт транспортного самолёта и, как говорится, по-тихому доставили куда надо. На месте они развернули свой узел связи и, не принимая присяги, стали солдатами иностранного государства. По ночам было видно, что где-то далеко сверкали, как зарницы, далёкие разрывы снарядов и доносился их приглушенный гул, который не прекращался и днём. Но на их участке было тихо. Шла обычная рутинная работа со своими малозначительными проблемами и небольшими праздниками. Вроде всё как дома. В общем, тепло, светло и мухи не кусают. Если бы ещё девчонок сюда и танцы, то новоявленным «легионерам» совсем было бы отлично. Но девчонок ни поблизости, ни «подальности» не было. Скука скучная-прескучная.

Разве что пойти журнал посмотреть... с девчонками. Какая красота! Физики бы непременно сказали: «Это ж надо, как интересно сложились атомы в некоторых местах».

Первая кровь

Если бы Белозёров вышел в этот момент из машины покурить или просто подышать воздухом, он бы наверняка увидел, что солнечный диск вдруг стал чёрным,

а потом из него, как из мешка, посыпались странные большие предметы. Самолёты выпорхнули из солнечного диска почти бесшумно, как будто вывалились из него. Работала дизельная электростанция, обеспечивающая электропитанием весь узел связи, и в первый момент Саня ничего не услышал, а только почувствовал, как вздрогнула земля. Потом раздался страшный грохот, и земля поднялась в воздух, как встаёт на задние лапы, потревоженный медведь. Такая же бурая и страшная.

Сидя внутри кунга автомобиля, Белозёров ничего этого не мог видеть. Он только почувствовал, как его машина, уже не нуждаясь в услугах водителя, резко рванула с места и, сделав несколько переворотов в воздухе, неожиданно остановилась от удара о какое-то препятствие. Двери кунга с треском распахнулись и, сорвав удерживающие их болты, улетели в облако из пыли и чёрного дыма. Одновременно с ними в этот ад какая-то неведомая сила вынесла и Белозёрова, как хозяйка выбрасывает за двери дома нашкодившего котёнка, взяв его рукой за шкирку. Ничего не понимая, Саня интуитивно сжался в комок, вдруг реально осознав, что после свободного падения наступит момент встречи с землёй. Но ожидаемого удара не последовало. Что-то опять гулко грохнуло, и тёплая волна воздуха нежно подняла Белозёрова над землей, оторвав, правда, при этом ему оба каблука на ботинках. После этого Саня, замотав руками, как тряпичная кукла, почти мягко опустился на склон обрыва. Через секунду земля и небо вдруг замелькали перед его глазами и слились в сплошную серую пелену.

Белозёров катился вниз по склону обрыва. Горячий песок забивался в глаза, нос и рот. Было трудно дышать

и хотелось громко крикнуть, чтобы очистить легкие. Острые осколки камней, как горячие жала невидимых ос, впивались в кожу. Саня пытался замедлить падение и тормозил руками, хватаясь пальцами за камни и песок. Ничего не получалось, он лишь стёр до костей свои пальцы. В последний момент он вдруг сильно обо что-то ударился и оказался на ногах. Пытаясь осмотреться, он приподнял голову, но земля неожиданно поехала вправо и, потеряв сознание, Саня упал лицом прямо в горячую серую пыль.

Когда вернулось сознание, Белозёров определить не мог, но ему показалось, что он «отсутствовал» всего лишь несколько секунд. С трудом приподнявшись, он сел на песок и опять попробовал осмотреться по сторонам, крепко обхватив голову руками, чтобы придать ей устойчивость. Всё, что предстало перед глазами, было ужасно! И напоминало какую-то диораму про войну, виденную в далёком детстве.

Развороченная техника, упавшие антенны и люди, которые валялись на земле, как разбросанная колода карт. Один солдат висел метрах в двух над землёй. Его правая рука была, как наручником, захлестнута стальной оттяжкой от сломанной антенны. Кричать он, видимо, уже не мог, но был в сознании и только слабо махал левой рукой, как будто кого-то дружески приветствовал. Кровь с захлестнутой руки текла струйками и капала на его военную куртку, делая её похожей на камуфляж разведчика. Стальной тонкий трос на руке солдата был почти не виден в лучах солнца. Издалека казалось, что по воздуху шагает человек с высоко поднятым вверх красным флажком в руке.

Белозёров с трудом встал и, шатаясь, пошёл на этот красный флажок. Вдруг прямо перед ним из автомашины вывалился и пополз на него солдат с горящим факелом на спине. «Медведев!» — Саня сразу узнал в этом рослом солдате сержанта третьей роты, телосложением как нельзя лучше оправдывающим свою фамилию. Метров через пять Медведев рухнул на землю и затих, продолжая гореть. На ватных ногах Белозёров бросился к упавшему товарищу и, встав перед ним на колени, стал руками сбивать огонь. Не чувствуя боли, он все колотил ладонями по горячей спине. Потом сорвал с ремня висевшую там флягу с питьевой водой и трясущимися руками стал откручивать металлическую пробку. Когда это удалось, Саня стал лить воду на спину сержанта.

— Ну что же ты всё горишь? Что же ты всё горишь? Что же ты всё... — в бессилии шептал Белозёров, не замечая, что крупные слёзы текут по его щекам, оставляя длинные светлые дорожки на грязном лице.

Маленький чёрный жук, старательно передвигая лапками, упорно пытался перелезть через сухую ветку с небольшими колючками. У него уже почти получилось, когда земля опять вздрогнула, и ветка стряхнула с себя непрошеную ношу. Жук упал на спину и быстро задвигал лапками, стараясь перевернуться. Но напрасно, и через минуту он затих, будто умер.

Взрыва Саня не услышал. Только увидел яркую вспышку света перед глазами и, тихонько ойкнув, уткнулся в спину сержанта, провалившись в темноту. Мелькнула последняя мысль: «Видимо, уже ночь. Отбой. Хорошо...»

Там, за облаками

Голова приятно кружилась. Не чувствуя опоры, Саня почему-то висел в воздухе и смотрел вниз.

Внизу происходило что-то похожее на праздничный парад. Шествие из людей и машин возглавлял знакомый солдат с красным флажком в руке. Он высоко поднял его над головой и гордо шагал впереди колонны. За ним шли люди, среди которых Саня узнал сержанта Медведева. Он шагал между двух искорёженных вертолётов, которые бережно обнимали его своими лопастями. Экипаж обоих вертолётов, задрав головы вверх, махал Белозёрову руками. Один летчик даже помахал Сане своей ногой, которую держал в правой руке. Далее следовали люди, и то ли ехала, то ли летела сломанная техника. Автомобили без колёс парили над землей, облетая солдат и оружие, которое шло как бы само по себе рядом с людьми. Вскоре это странное шествие поравнялось с небольшой возвышенностью, на которой стоял капитан Егоров. В руках он держал свою голову, на плечах была одна огромная зелёная каска, простреленная в трёх местах.

— Парад, стой! Раз, два! — крикнула голова и посмотрела на каску. — Давай продолжай. А то я чего-то устала и голова болит. Вернее, я болю!

Каска откашлялась и хрипло сказала:

— Здравствуйте, солдаты! Поздравляю вас с прибытием на территорию дружественной нам страны.

Нестройными голосами прогремело троекратное «Ура! Ура! Ура!», и машины взревели двигателями, а вертолёты закрутили своими перебитыми лопастями.

Голова подняла глаза вверх и увидела Белозёрова.

— Сержант Белозёров! Немедленно встать в строй!!! — заорала голова и сплюнула кровью.

— Не могу! У меня каблуки на ботинках оторваны! — крикнул ей Саня и для демонстрации помахал своими окровавленными пятками, торчащими из разорванных ботинок.

— Тогда проваливай отсюда или слушай стихи. Я их сегодня сочинила! — крикнула голова Белозёрову и, повернувшись к держащему её капитану Егорову, добавила: — А ты поставь меня повыше. Ну что ты смотришь? Ставь на плечи.

Егоров одной рукой снял каску, а другой аккуратно поставил на её место голову.

— Ну что, удобно? — ласковым голосом спросила сама себя голова и тут же раздражённо ответила: «Да! Да! Да! Неужели не видно? Теперь я — капитан Егоров. Парад! Равняйся! Для прослушивания стихов, смирно!»

Немного помолчав и набрав в легкие побольше воздуха, Егоров вдруг истерично заорал:

— На нём треугольная шляпа и серый походный сюртук... Тук-тук-тук, тук-тук-тук!

От этого визга голова Белозёрова сразу превратилась в большую железную наковальню, по которой стальной молоток стал отстукивать егоровские стихи: «На нём треугольная шляпа и серый походный сюртук... Тук-тук-тук, тук-тук-тук!»

Всё опять закружилось перед глазами и покрылось розовой пеленой с красными прожилками. Перед ним возник длинный, плохо освещённый коридор, по которому Саня бросился бежать. Добежав до белой двери с надписью «выход», он схватился за ручку и резко

дёрнул её на себя. Дверь подалась. Вспышка яркого света ослепила его, а тело пронизала острая боль. Саня вскрикнул и постарался открыть глаза. Сквозь приоткрытые веки и пелену серого тумана он увидел женское лицо в белом обрамлении. «Вот вы какие, ангелы!» — подумал Белозёров и снова закрыл глаза, но боль почему-то не проходила...

— Доктор! Доктор! Товарищ майор! Он, кажется, очнулся! — услышал Белозёров приятный женский голос и опять открыл глаза.

Небольшой худощавый человек, весь в белом, как выяснилось впоследствии, майор медицинской службы, подошёл к Саниной кровати и, сурово глядя ему в глаза, сказал:

— Ну что? Думаешь, в раю уже? — Потом посмотрел на испуганное Санино лицо с трясущимися синими губами и уже веселее добавил: — Не бойсь! В госпитале ты. Извини, но если больной умирать не хочет, то медицина тут бессильна. Так что, живи и радуйся! Нина, повтори ему ещё дозу. Пусть пока спит.

ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ

— Белозёров! Бегом марш вместе с Медведевым наверх! Осмотреться и доложить обстановку! Вы ещё здесь?! — орёт капитан Егоров, стоя у своей палатки и показывая правой рукой на вершину горы. Он то орёт, то начинает улыбаться, вдруг становясь спокойным, будто отдыхающий после обильной еды слон.

«Чего это он так вырядился?» — подумал Саня, пробегая мимо Егорова.

Вид у капитана был действительно живописный. Он стоял возле палатки по пояс раздетый, но в ярко начищенных ботинках, на которых играли солнечные зайчики, и с большим красным галстуком на шее.

Сане эта ситуация напомнила старый анекдот, в котором один мужик заходит в комнату своего приятеля и видит того в таком же виде, как и капитан. На вопрос, почему, мол, голый, получает ответ: «Так ведь нет же никого дома». А почему, мол, в галстук? «А вдруг кто заглянет в гости?»

Белозёров продолжает бежать за Медведевым. Жарко. Бежать трудно. Сердце бешено колотится в груди, будто пытается вырваться на свободу. Струйки пота катятся по лицу, заливая глаза и защитного цвета куртку, которая от пота постепенно превращается в сплошное мокрое пятно. Бегущий впереди Медведев вдруг спотыкается и резко заваливается назад, сталкивая Саню вниз по склону. От толчка тот катится вниз, постепенно набирая скорость. По пути хватается за травинки и мелкий колючий кустарник, раздирая в кровь руки. На миг над ним появляется улыбающееся лицо капитана Егорова. Красный галстук на его шее вдруг увеличивается в размерах, превращаясь в фонтан алой крови. Горячей липкой струёй она заливает глаза. Сквозь красную пелену Саня видит чёрное солнце. Душно. Белозёров рвёт руками ворот своей защитной куртки. Душно. Ничего не получается, мешает кровь, руки скользят по куртке. Ещё рывок, и опять неудача. Он кричит: «Всё, больше не могу! Не могу! Не хочу! Не могу!!!»

— Опять кричишь! Повязки опять рвёшь! Я сколько тебе буду их накладывать? — мелодичный женский голос гулко звучит в чёрной пустоте, эхом отражаясь от невидимых стен.

Саня чувствует, как прохладная лёгкая рука ложится на его горячий лоб, забирая в себя невыносимую боль тела. Он открывает глаза. Чувство реальности постепенно возвращается к нему, и он видит перед собой женщину в белой одежде. Нина.

Это Нина — его ангел-хранитель, его женщина в белом, снимающая боль и приносящая с собой в палату минуты радости. Это её лицо увидел Белозёров, когда очнулся после ранения. Он в тот момент был, как инкубаторский цыплёнок, который вместо матери курицы увидел резиновый цветной мячик и теперь готов бежать за ним куда угодно.

Нина ловко поправляет ему повязки на руках и тихо мурлычет:

— Кричишь, рвёшь повязки. Смотри, опять кровь пошла. Так ты, миленький, никогда не поправишься. — Голос Нины звучит, как серебряный колокольчик. — Скажу доктору, чтобы тебе привязывали во время сна руки, шаловливый ты мальчик. — Она быстрыми движениями продолжает заматывать его руки свалившимися с них бинтами. У Нины густые чёрные волосы, тонкие, будто нарисованные брови, маленький точёный носик и ярко-красные пухлые губы.

— Всё воюешь во сне? — спрашивают пухлые губки, растягиваясь в улыбке. — Хватит воевать, ты уже отвоевался, теперь пусть другие воюют. — Нина продолжает говорить с Белозёровым, как разговаривают

с маленькими детьми: «Кушай кашку. Ложечку за маму, ложечку за папу, за бабушку с дедушкой...» Белозёров молча слушает. Он любит слушать ту чушь, которую болтает Нина, лишь бы не замолкала. Она говорит, а он молчит, и так происходит всегда. Сане казалось, что если вдруг он с ней заговорит, то невидимая тонкая эфемерная ниточка сразу порвётся, и их встречи прекратятся навсегда. А он этого очень не хочет. День проходил зря, если Нина хотя бы раз не появлялась в его палате.

— Ну, всё в порядке? Я пошла. — Нина выжидающе смотрит на Саню, поправляя правой рукой чёрную прядь волос, упавшую ей на лицо. — Молчун. — Быстро развернувшись, она исчезает в проёме двери.

После чего в гулком коридоре долго слышен стук её каблучков.

Саня лежит, запрокинув голову на подушку, и смотрит на яркий солнечный зайчик на потолке, вокруг которого ползает большая муха, никак не решаясь войти в его светлый круг.

Тук, тук, тук... Стучат по коридору костыли.

«Опять этот чёрт рыжий!» — подумал Саня.

Рыжий чёрт — это ефрейтор Иванцов, один из многих ходячих счастливых в этом богоугодном

заведении. Белозёров отвернулся к стене и сделал вид, что крепко спит.

— Вставай, страна огромный, вставай на смертный драка! Бери кинжал большой, большой и режь неверный срак... морда! — слышит Саня бас Иванцова. — Белозёров, проспичь всё царствие небесное и не успеешь на раздачу подарков. Вставай, ваша мама пришла, новостей принесла!

Делать нечего, Саня поворачивается к неугомонному ефрейтору лицом, делая вид, что только что проснулся:

— Ну, чего тебе? — он делано зевает.

— Мне ничего. Просто нашему майору медицинской службы подполковника присвоили. Будет сегодня у наших медичек скоромный день, да и нам не грех разгуляться! Пользуйся случаем, герой-любовник. Я тут уже подшустрил маленько с одной сестричкой, чего и вам желаю. Вот хотя бы Ниночку, ты же к ней давно неровно дышишь, я всё вижу. — Иванцов хамовато смотрит на Саню, потом достаёт из бокового кармана маленькое зеркало и начинает разглядывать свою рыжую физиономию.

— Брось трепаться! — выдавил из себя Белозёров.

— Нет, она, конечно, девушка честная, но за деньги, говорят, всем и всё может... — промурчал Иванцов, продолжая смотреться в зеркало. Потом кивнул на Санину тумбочку возле кровати и продолжил: — Тебе же выдали твои «гробовые». Денег, конечно, маловато, но на Ниночку, думаю, хватит.

У Белозёрова начинает кружиться голова, он не просто злится на ефрейтора, он его в этот момент **НЕНАВИДИТ!**

— Кончай трепаться и давай вали отсюда к себе в палату, — тихо сказал Саня и откинулся на подушку, продолжая молча разглядывать борьбу мухи с солнечным зайчиком.

— Ну, если, граф, моё общество вам наскучило и стало в тягость, то мы убываем вечерней лошастью в Париж или Урюпинск, я ещё не определился. — «Рыжая бестия» артистично взмахнула руками, уронив при этом на пол свой костыль. Иванцов так долго возится с упавшим костылем, что Саня уже теряет терпение. Наконец он уходит, и в коридоре раздаётся удаляющееся «тук, тук, тук, тук...»

— Вот козёл! А казался нормальным пацаном... — Санина голова опять начинает болеть, и скверное чувство липкой чёрной жижей заполняет сознание, переходя в тягучую физическую боль во всем теле.

Весь вечер из ординаторской, которая находится рядом с палатой Белозёрова, слышится девичий смех, громкие разговоры и приглушённая дверью музыка. Потом цоканье каблучков, видимо, начинаются танцы. Сегодня Нинина смена, и она пару раз за вечер торопливо обегает все палаты своего отделения. Каждый раз, когда она заходит в палату, где лежит Саня, он делает вид, что спит, а сам смотрит на неё сквозь смеженные веки. Он видит её лицо. Глаза блестят, щёки покрыты румянцем, губы стали ещё краснее, ей сейчас не нужна никакая губная помада. Пробежав по палатам, она спешит назад в ординаторскую.

Около часа ночи из ординаторской выплеснулся веселый гомон и топот десятка пар ног. Он потёк по кори-

дору и, постепенно удаляясь, затих где-то на лестничных пролётах. Наконец-то все разошлись по домам.

Минут через пятнадцать Белозёров слышит в коридоре стук Ниночкиных каблуков. Цок-цок-цок! Этот стук он узнал бы из тысячи звуков. Когда цоканье каблуков приблизилось к его палате, он крикнул:

— Сестра! Нина!

Дверь в палату быстро открылась и на пороге появилась Нина, белый халат на ней расстёгнут, под ним видна тонкая красная блузка, облегающая красивую грудь.

— Наш молчун заговорил! Свершилось чудо! — Нина подошла к его кровати. Потом положила на Санину голову свою прохладную руку, медленно провела ею по волосам. — Что у нас случилось?

От этого прикосновения у Белозёрова начала кружиться голова, и он тихо выдавил из себя:

— Нина, я тебя очень люблю. Не мог сказать этого раньше.

Нина убрала с его головы руку и отошла к окну. Долго смотрела в темень ночи и сказала:

— Ну вот! Ещё один мотылёк налетел на огонёк свечи. И сгорел или ещё не успел? Белозёров, поспи, наутро всё пройдёт. Вы все так говорите, не ты первый, не ты последний. А после выписки даёте номер чужого телефона, и ищи, Маруся, ветра в поле. Воспитывай детей! — Она резко развернулась от окна и пошла к выходу из палаты.

— Ладно, пошутил. Я тебя просто хочу! — сказал Саня и сам удивился своей наглости. Кровь начала бешено колотиться в висках, и он сразу покраснел.

— А вот это уже что-то новенькое. Совсем спятил? — Нина поглядела на него уже с какой-то долей презрения. Они долго выжидающе смотрят друг на друга, и Белозёров, ещё больше удивляясь сам себе, сказал, придав голосу максимум уверенности:

— Так я же не просто так, а за это! — и показал глазами на свою тумбочку.

Презрительное выражение сразу сходит с Нининого лица, сменившись крайней заинтересованностью.

— И что же это у нас там? Интересно взглянуть. — Она, смешно семеня своими красивыми ножками, на цыпочках подходит к тумбочке и двумя тонкими пальчиками с красивым маникюром открывает её. Потом запускает правую руку в глубину тумбочки и долго водит пальцами по шелестящим купюрам. Затем быстрым движением сгребает их и, недолго подержав руку на уровне Саниного лица, как бы давая ему время попрощаться со своими деньгами, Нина быстро прячет их в карман своего белоснежного халатика. Улыбнувшись, она смотрит почти серьёзно Сане в глаза:

— А ты сможешь?

— Если ты поможешь, — сказал Белозёров и, как мальчишка, опустил глаза.

— Ну кто же ещё, кроме нас, вас, больных, пожалеет да приголубит? — захихикала Нина. Потом сняла халат и начала очень медленно расстегивать золотые пуговицы красной блузки. Она постепенно, как в стриптизе, раздевалась и медленно подходила всё ближе и ближе к кровати Белозёрова. Наконец она обнажила грудь и приблизила её к Саниному лицу. Ему стало трудно

дышать, сердце учащённо забилось и Сане показалось, что его стук слышат сейчас в соседней палате.

— Всё! Достаточно! Не надо! — вдруг сказал Саня и отвернулся к окну.

— Что? — сначала не поняла Нина, но потом посмотрела на Белозёрова и стала быстро одеваться. Потом подошла к тумбочке и, открыв её, бросила туда деньги.

— Концерт не состоялся! Наш артист ещё серьезно болен и не может выступать, — сказала она и направилась быстрым шагом к выходу из палаты. Но на полпути вдруг остановилась и вернулась к тумбочке, где лежали деньги. Открыв её, она вытащила из общей кучки денег одну купюру и подняла её своими пальчиками над головой.

— За просмотр. И можешь даже что-нибудь соврать своим друзьям. Уплачено! — Нина быстро вышла из палаты, унося в глубину коридора стук своих каблучков и запах женского тела с легким ароматом ванильных духов.

Белозёров молча лежал на кровати. Не хотелось жить. Даже не хотелось думать на тему «А правильно ли я сделал?». Воздушный хрустальный замок, возникший на небосклоне, медленно растворялся в серых буднях.

На другой день Саня записал в свою красную записную книжку небольшой рассказ под названием «Воздушный замок», который, правда, как он считал, не имел никакого отношения к происшедшему прошлой ночью. Потом послал далеко-далеко рыжего ефрейтора, приставшего с расспросами о Нине, но тот нисколько не обиделся и рассказал Белозёрову о своих похождениях с процедурной медицинской сестрой.

— Господи, горбатого могила исправит! — только и сказал Саня.

Потянулись серые будни. Нина старалась заходить в его палату крайне редко, и они перестали говорить. Наглая муха, поселившаяся в его палате и словно растворяющаяся, когда в неё заходил кто-то, кроме Белозёрова, так и не решилась заползти в круг солнечного зайчика, неизвестно откуда появляющегося на потолке комнаты. Она перестала бояться Сани и терпеливо ждала, когда тот поест и пододвинет к ней свою тарелку. Муха отелась, и её тело играло на солнце всеми цветами радуги. Ещё неделя — и она, вероятно, начала бы разговаривать с Белозёровым, но случилась неожиданная выписка.

Перед уходом из госпиталя Саня зашёл в процедурную. Там была Нина. Она тихо заплакала после того, как Белозёров поцеловал её на прощанье в теплую щеку. Как она махала ему вслед рукой, он не видел, потому что шагал по дороге от госпиталя не оглядываясь. Скоро дембель и гражданская жизнь. А всё предыдущее будет лишь маленьким эпизодом. Маленьким грустным эпизодом в его жизни...

Из красной тетради Белозёрова

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

Очень, очень давно на земле наступило такое время, когда людям стало скучно жить. Их будни были серы и однообразны, и если бы не редкие праздники с хмельным элем, совсем нечего было бы вспомнить. Ну, разве что какой-нибудь муж напьётся да побьёт свою жену или зарежет соперника. А так

скукотища! Прямо ложись в грязь рядом со свиньёй и хрюкай...

Стали сограждане гадать да рядить, как им быть дальше. И какой-то мечтатель вдруг предложил:

— Давайте поднимемся в небо и будем жить там! Там чисто и живут только птицы, а нам с ними нечего делить. Вознесёмся?

Были бурные споры, иногда даже переходящие во взаимные оскорбления, ну и не без небольших драк, конечно, но люди так и не пришли к единому мнению, разделившись на две половины.

Одни не хотели покидать насиженные места с теплым домом на берегу маленькой речки и уютным садом, где в тени деревьев можно было укрыться летом от палящего солнца, а зимой слепить снежную бабу или, дойдя до берега реки, прокатиться с крутого склона на санках, да так, чтоб замерло сердце! И даже несмотря на участвовавшие в последние годы неурожай, они предпочли не покидать землю, а копаться в ней и дальше.

Другую же половину человечества неумолимо тянуло в бездонные синие небеса, чтобы быть ближе к холодным, но прекрасным, ярко мерцающим звёздам. И они, в одиночку или объединившись небольшими группами, стали строить воздушные замки, делая кирпичи из своих умных мыслей и цементируя их грёзами, видениями и мечтами. У мечтателей во все времена никогда не было дефицита в этих строительных материалах, работа спорилась, и вскоре на земле появились маленькие и большие воздушные

замки — сооружения, издали похожие на прозрачные хрустальные фужеры, наполненные белым вином и переливающиеся на солнце всеми цветами радуги. Красота!

И вот однажды вся эта хрустальная армада поднялась в небо, чтобы уже никогда не возвращаться на грешную землю. При взлёте часть этого «хрусталя» разбилась вдребезги, а некоторые не смогли взлететь: у них просто не хватило фантазии, чтобы заправить её двигатели своих кораблей. Оставшиеся люди поклялись никогда не летать в небесах и, как все остальные, стали тихо и мирно трудиться на земле, копать её или по праздникам лежать в луже рядом с симпатичной свинкой. Хрю-хрю-хрю...

Так они и жили — одни на земле, а другие в небе. Неумолимо текло время, будто тоненькая струйка в песочных часах. Маленькими песчинками падали друг на друга дни и спрессовывались в года, а года складывались в столетия. Одно поколение сменяло другое как на земле, так и в небе. Сначала небесные жители забыли своих родных и друзей, оставшихся на земле, а потом и секрет строительства воздушных замков. Всё, что они могли, это только управлять ими, и поэтому воздушных замков осталось не так уж много.

Одним из пилотов воздушного замка «Велле» был Мак Риди, рождённый в двадцатом поколении небесных жителей. Он был отличным пилотом, романтиком и мечтателем, обладая при этом железной волей и сверхъестественной выдержкой. А что ещё надо солдату, чтобы стать генералом? Как ужива-

лись в нём все эти качества, не смог бы объяснить никто, даже сам Риди. Но благодаря этому настал тот памятный день, когда к его должности «пилот» решением Совета Неба была добавлена приставка «командор». И Мак, сменив свои серебряные погоны на золотые, получил из рук старейшины Неба светящийся жезл, дающий власть над управлением воздушным замком. Теперь этот хрупкий «хрусталь» держал в своих руках он — Мак Риди.

Прошло более пяти лет после назначения Риди пилотом-командором, и он стал опытным командиром, которого все беспрекословно слушались буквально с полуслова, понимая даже жесты. Доверие к нему было непререкаемым!

Вот и сейчас он стоял на центральном мостике своего воздушного корабля и через прозрачный пол смотрел на землю.

Была уже полночь, и из-за густых туч иногда выплывала полная луна, освещая своим холодным светом окрестности. Где-то далеко внизу проплывали деревья, кусты, озёра и реки. Окна многочисленных домиков отбрасывали на траву тёплый жёлтый свет. Маленьким светлячком казался человек, выходящий по какой-либо нужде на улицу, прихватив с собой закопчённый светильник или горящий факел.

— Как они могут там жить? — размышлял Мак. — Зимой холод, а надо выходить на улицу, ну хотя бы для того, чтобы принести воды для питья и приготовления пищи. А они ещё и резвятся в снегу, бегая по нему на каких-то длинных палках, или съезжают с гор на странных сооружениях, сверху похожих на

небольшой ящик. То ли дело у нас на корабле — всегда тепло и спокойно, а воздушный замок даёт нам всё, о чём можешь мечтать, стоит только подумать и пять минут не отменять своё решение.

Неожиданно что-то странное на земле привлекло его внимание. Сначала он не сразу понял, что случилось, и только взглядевшись внимательнее, осознал всю опасность происходящего внизу.

Где-то далеко на земле, в тумане, поднимающемся от реки, он разглядел маленький костёр, возле которого металась молодая девушка, подняв к небу руки и умоляя о помощи, а к ней быстрыми прыжками приближался огромный чёрный зверь.

Медлить было нельзя, Мак уже хорошо разглядел белое платье девушки, расцвеченное сполохами от костра, и чёрное тело зверя, стремительно приближающегося к своей жертве.

В душе Риди стали бороться два человека: романтик-мечтатель и командир. Романтик говорил:

— Ты должен спасти прекрасную девушку, может быть, это судьба послала её тебе, и ты избавишь её от серой земной жизни, забрав в мир грёз и фантазий.

— Нельзя нарушать Устав Неба! Команды садится на землю не было, да и никогда не поступит! — кричал командир.

Мак посмотрел вниз, зверь был уже в двух прыжках от своей добычи.

— Самый полный на снижение! Максимальная скорость!!! — скомандовал Мак, и управляемый его

волей замок стал стремительно приближаться к земле.

«Сейчас зверь испугается падающего на него замка, и девушка будет спасена, спасена, спасена...» — мысли Мака лихорадочно крутились в голове, делая командора безвольной куклой...

Когда Риди собрал свою волю в кулак и опять обрёл способность трезво рассуждать и принимать решения, участь воздушного замка была решена! Никогда не выполняя раньше такого манёвра, Мак не рассчитал скорость падения, и «воздушный замок» рухнул на землю, осветив округу яркой вспышкой, напоминающей северное сияние, и... похоронил под своими обломками прекрасную девушку, страшного зверя и весь экипаж.

«Может быть, она успела убежать?» — мелькнула последняя мысль в меркнущем сознании пилота-командора.

После падения замка на землю люди ещё долго наблюдали разноцветное свечение в небе от разлетающихся фантазий, благородных мыслей, несбывшихся мечтаний и прекрасных идей. А на другой день на месте падения воздушного замка стали находить кристаллы горного хрусталя, похожего на чистый прозрачный лёд, которым люди стали украшать свои жилища или просто бросали в своих дворах, потому что свиньи его не ели!

Обидно, что смерть Мака Риди и других обитателей замка не принесла совершенно никакой пользы. И даже хорошо, что они уже никогда не узнают

горькой правды. Ведь прекрасная незнакомка, мечущаяся в тумане, была лишь бликами света от костра на старой фуфайке, забытой подвыпившими рыбаками на кусте можжевельника. А страшный зверь оказался тенью от корявого дерева, отбрасываемой на землю в свете выплывающей из-за облаков яркой луны!

После этого трагического случая в Уставе небесных жителей появилась запись: «Если ты всегда хочешь летать в облаках, никогда не спускайся на землю. Где земля, там много препятствий и преград, таких, как утраченные иллюзии, несбывшиеся надежды, житейские мелочи и прочие разочарования, о которые разбиваются воздушные замки. И если ты летаешь в небесах, никогда не смотри под ноги! Там может быть грязь...»

Мысли вслух:

— А если ты запачкал ноги, но хочешь считать себя чистым, — смотри в небо!

— И построй же, наконец, свой «воздушный замок»... Что? Иллюзии растерял, а фантазии не хватает? Ну-ну, не плачь, не плачь, бывает. Давай я тебя обниму. Не плачь...

ТЕРРИТОРИЯ

КОМАРИЦЫЙ РАЙ

— Белозёрова ко мне! Быстро! — скомандовал начальник штаба в телефонную трубку, обращаясь к дежурному офицеру.

Саню долго искали и нашли в казарме, где перед включенным телевизором он крепко спал после обеда, развалившись на кровати прямо в форме и сапогах. На вопрос командира роты: «Кто позволил смотреть телевизор в казарме в дневное время?» он тихо ответил, не вставая с кровати: «Это я, товарищ капитан, сержант Белозёров».

— Белозёров, это ты? Когда тебя уже уволят в запас? Я буду ходатайствовать! — закричал капитан. — Тебя срочно к начальнику штаба!

— Да! Товарищ капитан, будьте так любезны, ходатайствуйте перед руководством, а то мать уже заждалась меня. — Саня медленно поднялся с кровати, поправляя парадную форму, в которой он должен был уехать домой.

Пройдя через плац и подойдя к зданию, где располагалось руководство полка, он поднялся на второй этаж и постучал в кабинет шефа.

— Разрешите войти, товарищ подполковник! — сказал он и, не дожидаясь ответа, вошёл в кабинет. «Наполеон» сидел за столом и изучал какие-то бумаги.

— Садись, — сказал шеф тихо и посмотрел на Саню. — Рапорт мне твой принесли, что в Узбекистан хочешь поехать, что скажешь?

— Не могу я, товарищ подполковник, на эти лица больше смотреть. Надоело и противно, устал я что-то. Или в Узбекистан, или отправляйте на «точку», немного осталось до дембеля, как-нибудь дотерплю. После ранения голова постоянно болит, а тут ежеминутно: «Равняйся! Смирно! Что у тебя, Белозёров, на ногах? Офицерские сапоги!» Я же всем не могу объяснять, что эти сапоги вы мне подарили, потому что мои новые мне жмут, а других нет.

— Ладно. Закрой дверь и садись к столу. — Начштаба открыл сейф, откуда извлёк бутылку коньяка и два стакана. Молча разлил коньяк и сказал:

— В общем, с возвращением тебя, сынок. Ну и за тех, кто не вернулся, не чокаясь. Извини, что лично не встретил, но сам понимаешь, служба. Вот сейчас позвал. Ну, как сам и как там?

Они молча выпили и закусили чем бог послал.

— Да страшно, конечно, товарищ подполковник. Правда, мы все, видимо, даже испугаться не успели, всё так быстро произошло. Потом госпиталь, потом домой. Только после всего пережитого не могу я смотреть на эти сытые рожи! Или всё здесь ненормально, или просто у меня все мысли после контузии не в том направлении работают! — Белозёров занюхал коньяк корочкой чёрного хлеба.

— Короче, Саша, поедешь дослуживать на «точку», там рыбалка, охота и все прелести жизни. Ты рисуешь хорошо. Оформишь там учебный полигон и домой. А в Узбекистан я тебя не отпущу. Можешь обижаться, можешь не обижаться, но «Узбекистан» — это Афганистан! Просто нельзя об этом говорить, ты меня понял? А тебя после ранения всё равно «задробят»! Я, конечно, могу дать приказ, но я не дам. Наливай! И слушать ничего не хочу, лучше ты меня послушай.

Начштаба вытащил из-за сейфа аккордеон с перламутровыми клавишами. Он неторопливо просунул руки под кожаные ремни инструмента, немного подумал, как бы собираясь с духом, и заиграл. Пальцы быстро перебирали чёрно-белые клавиши, и кабинет, как стакан коньяком, быстро заполнился мелодичными звуками. Было странно смотреть на этого сурового мужика в военной форме, которого за глаза солдаты называли «Наполеоном», ловко перебирающего пальцами по музыкальному инструменту. Белозёров всегда завидовал людям, как он сам шутил, могущим в нужный момент нажать на нужную клавишу, отчего вдруг получалась, в зависимости от настроения, грустная или весёлая музыка.

Начштаба закончил играть и снял аккордеон. Плеснул себе и Белозёрову в стаканы немного коньяка и, залпом выпив, сказал:

— Я ведь музыкальную школу окончил с отличием. — Он подержал в руках стакан, разглядывая его со всех сторон, как будто видел в первый раз, и, неожиданно сменив тему разговора, предложил: — А может, пойдёшь служить прапорщиком? Тебе даже учиться не надо, ты ведь техникум связи окончил, есть уже специ-

альность. Напишешь рапорт, получишь новую форму и вперёд! Меня скоро в Москву переведут, заберу тебя с собой. Будешь всегда при мне, а захочешь дальше учиться, устрою в военное училище. Будешь офицером. Форма тебе идёт. У меня связи в Москве, я, не успеешь оглянуться, буду генералом! Ну и у тебя поддержка неплохая будет.

— Спасибо, товарищ подполковник. Я подумаю, но пока желания нет, — сказал Саня.

— Тогда всё! На сегодня разговор закончен, собирай вещи и завтра поедешь на «точку». А то эти крысы тыловые тебя здесь сожрут. Не любят они тех, кто «оттуда» вернулся, а сами и живыми хотят остаться, и медальку заработать. Перекрутят на котлеты и сожрут без хрена. Это мы сами проходили, как говорится, плавали, знаем!

На другой день вечером Белозёров уже ехал в поезде, увозящем его ещё дальше на север, к самой границе в посёлок Лоустари. С поезда его никто не встречал, он сам с трудом разыскал роту связи, затерявшуюся среди многочисленных воинских подразделений, расположенных в том районе.

Потом его и дежурную смену караульного взвода посадили в ГТТ — здоровенную зелёную металлическую банку на гусеничном ходу и повезли ещё дальше, куда-то ближе к норвежской границе, мимо бесчисленных голых сопков, поросших мелким кустарником и травой. Разговаривать, сидя внутри этого монстра, было совершенно невозможно, поскольку камни, попадавшие по ходу движения в гусеницы, получив соответствующее ускорение, со страшным грохотом бились о металлическое

чрево машины. Двести километров Белозёров проехал в полном молчании, под непрекращающийся аккомпанемент камней, и понял, почему танкисты носят такие замечательные шлемы с переговорными устройствами. В довершение всего машину так трясло на дороге, что можно представить, каково пришлось Белозёрову на маршруте, учитывая то обстоятельство, что его укачивало даже в городском автобусе.

Из дверей зелёного железного «птеродактиля» выпал совершенно зелёный человек с лицом того же цвета, что и его форменная одежда. Выскочив, он метнулся к ближайшим кустам, где и оставил весь свой незатейливый завтрак. Встречающие их люди первое время даже не могли понять, где у вновь прибывшего зад, а где перёд. Ориентироваться приходилось только по пилотке, у которой спереди была небольшая красная звёздочка. Но, как говорится, нет худа без добра. И поговорка «клин клином вышибают» полностью подтвердилась. После этой поездки в железном монстре в организме Белозёрова что-то перевернулось: в дальнейшей жизни он летал, плавал, путешествовал на всех видах транспорта без каких-либо осложнений.

Не доезжая с полкилометра до конечного пункта, машина вдруг резко затормозила и встала. Обождав пару минут, Белозёров выбрался из ГТТ наружу, чтобы немного «хватануть» свежего воздуха и хоть чуть-чуть прийти в норму. Возле машины уже стоял прапорщик, который в хвост и в гриву материл бойца — водителя «боевого птеродактиля»:

— Егоров, милый, ты уже два года здесь ездешь и каждый раз одно и то же. Мать твою так! Ну сколько

это будет продолжаться? Ты же хороший водитель, а капризничаешь. Я приказываю! Мать!..

— Я же сказал, можете меня убить, я здесь не поеду! — кричит из открытого люка Егоров. — Мне скоро домой, меня невеста ждёт и мама! Посмотрите, какая погода прекрасная, воздух какой чудный, листья жёлтые, красные, грибы кругом, ягоды... А вы хотите, чтобы я лежал в этом железном гробу, да ещё весь мокрый! Дайте пистолет, я уж лучше сам застрелюсь, тем более что я и плавать-то не умею, всё равно утону, даже если и смогу выбраться из этого «ящика»!

Белозёров посмотрел на дорогу. ГТТ стоял возле небольшого, очень узкого деревянного мостика, перекинутого через достаточно бурный и широкий ручей. Коричневая вода с шумом разбивалась о большие камни, закручиваясь в белые буруны и уносясь вниз по течению, дёргая по ходу своего движения ветки деревьев, опущенные в воду. От этого создавалось впечатление, что деревья живые и пришли к ручью на рыбалку с близлежащих голых сопок, оставив там своих редких собратьев как часовых.

— Вылезай, на хрен! — орёт прапорщик и садится в кабину машины на место водителя. — Все из машины вон!

Пока все солдаты вылезают из машины, он приноравливается к педалям и рычагам управления «птеродактиля». Видно, что он заметно побледнел, на лбу выступили предательские бисеринки пота. Потом, боязливо оглянувшись по сторонам, прапорщик быстро крестится и тихо говорит: «Господи спаси!», после чего медленно трогает машину и рывками приближается к мосту. Все

замирают в ожидании и внимательно смотрят на приближающийся к мостику «железный гроб», готовый к захоронению, или, лучше сказать, к утоплению. Машина заезжает на мост, который начинает противно скрипеть, но всё-таки выдерживает её вес и милостиво пропускает на другой берег. Уф!!! Груз с души. Все начинают радостно галдеть, кроме водителя Егорова. Он разочарованно смотрит на ненавистный ему ГТТ, видимо, в мыслях уготовив ему совершенно другой конец и полагая, что этим он сразу решит все свои проблемы.

Но мост пройден, все расслаживаются по своим местам, и уже повеселевший прапорщик с бравым видом смотрит на солдат и даже пытается по-армейски шутить:

— Ну что, бойцы? Бог не выдал! Значит, мы свинью съедим! Гы-гы-гы...

До конца маршрута управляет машиной прапорщик, не пустив водителя на своё место. Он уже уверенно ведет ГТТ, потихоньку объезжая каменные валуны и небольшие ямы. «Птеродактиль», упираясь своими гусеницами-лапами, ползёт всё дальше и дальше вверх по сопке и примерно через час, чихнув последний раз сизым дымом из выхлопной трубы, останавливается и замирает.

— Вылезай, приехали! — слышит Белозёров голос прапорщика.

Саня смотрит мутным взглядом на дверной проём машины, после чего с трудом говорит:

— Вот тебе и «точка», вот и дом родной, здесь служить я буду Родине... ля-ля... — и не найдя достойной рифмы для продолжения, как мешок с картошкой,

вывалился из ненавистного нутра ГТТ. Его подташнивает. Да нет, уже тошнит!

«Точка» представляет собой небольшое одноэтажное деревянное строение. Там есть казарма, кухня, небольшая столовая на несколько посадочных мест, кладовая комната и учебный полигон. Правда, назвать это полигоном мог только человек с манией величия. Был это небольшой учебный класс со столами и скамейками. По стенам были развешаны старые ободранные плакаты с текстом присяги, стенд с портретами высшего армейского руководства, большинство из которых уже давно почили в бозе, и прочая лабуда. Сане предстояло, коротая время до дембеля, привести всё это в божеский вид — что-то переделать совсем, а что-то просто отреставрировать, подмазав кое-где свежей краской, и поменять фотографии канувших в Лету. Дополнительно командир этого хозяйства просил изготовить стенд под названием «Армии империалистических стран» и для этого принес Белозёрову пачку фотографий и журналов с картинками, а на словах сказал:

— Солдаты должны знать своих вероятных противников и как-то отличать их от своих.

На что Саня выдвинул встречное предложение — изготовить аналогичный стенд под названием «Армии социалистических стран», чтобы не стрельнуть, так сказать, в своих союзников, но получил резкий ответ:

— наших они и так отличат. — И после небольшой паузы: — Должны отличить... Ёшкин кот!

Обитателями «точки» были солдаты из взвода охраны и специалисты связи, дежурившие вахтовым методом. Взвод охраны «оборонял» маленький КПП на въезде

на «территорию» и большую толстую металлическую дверь, за которой располагался бункер, уходящий глубоко под землю. Сверху дверь была закрыта маскировочной сетью, и с вертолёта было видно только хорошо утоптанную тропинку, которая вдруг неожиданно кончалась в сопке. Предназначался бункер для организации работы высшего командования в случае возникновения военных действий. Караульный взвод был наверху, а «внутри земли» сидели связисты, поддерживающие свою связную технику в боеготовом состоянии, иначе их присутствие под землей нельзя было бы ничем оправдать, так как всё, кроме небольшого количества аппаратуры, было законсервировано. В помещениях поддерживали относительный порядок, периодически проводя там необходимую уборку. Чаще всего это делалось к приезду каких-нибудь столичных шишек или проверяющих лиц от командования полка.

Исключение составляло помещение с табличкой на двери «Особый отдел». По стенам этой небольшой комнатухи с умывальником в углу, металлическим столом и одним стулом, прикрученным насмерть к полу, постоянно текла грунтовая вода. Никакими принятыми мерами и необходимыми ремонтами ликвидировать эти протечки было невозможно. Вода всё равно текла и так же успешно уходила куда-то под землю. Картина там была весьма безрадостная — плесень, смрадный запах, мокрые стены, ржавый металлический стол и стул. Для полноты описания этого ужаса не хватало только стеной несчастных узников из-за железной двери. Поэтому помещение закрыли на ключ, который таинственным образом постоянно терялся к приезду проверяющих

лиц. Командир получал за это небольшое взыскание, но это были просто «цветочки» в сравнении с тем, что было бы, если бы проверяющие попали внутрь комнаты. Были бы «ягодки». Эту комнату все называли «чистилище солдатских душ»! Жуть, да и только.

Развлечений на «точке», скрашивающих свободное от дежурства время, было предостаточно. Это рыбалка, охота, грибы и ягоды. Правда, для охоты необходимо было раздобыть «лишние» патроны, но и этот вопрос успешно решался с пограничниками в обмен на красную рыбу.

По периметру «точка» была обнесена колючей проволокой. На эту территорию заходила и протекающая рядом река, которая образовала в этом месте большой разлив. Вот там-то в изобилии и водилась разная рыба, в том числе и ценных пород — сёмга, форель, кумжа. Ловить такую рыбу было, конечно, запрещено, это считалось браконьерством, но что можно было сделать с солдатами, у которых самая приличная пища — картошка с комбижиром и рыбными консервами? Сёмгу ловили, солили, жарили и варили. А самый писк был — жарить на сковороде красную икру! Получалось что-то похожее на перловую кашу со вкусом рыбы, но зато очень питательно. Можно было, конечно, икру и засолить, но это процесс долгий и утомительный, требующий необходимых навыков, тем более что запас икры всегда был в наличии. Проще было вывалить икру на сковородку с топлёным салом и за пять минут приготовить себе еду.

Рыбнадзор попасть на охраняемую территорию не мог. Пару раз их даже обстреляли, когда они пытались

на машине прорваться к реке, но наткнулись на большую доску с гвоздями, закопанную в земле на дороге. Также не получилось пройти катером по воде. Только иногда рыбнадзорцы грозили кулаками с вертолёт, изредка пролетая над «территорией», но обычно быстро ретировались при виде безбашенных придурков, целящихся в вертолёт из автоматов.

На «точке» же виноватым в незаконном лове себя никто не считал. Ну сколько может съесть солдат? Разве можно его сравнивать с браконьерами, которые ловили сёмгу исключительно из-за красной икры, а тушки рыбы просто выбрасывали в реку. Ещё они ставили на порогах реки ловушки из колючей проволоки, в которых рыба запутывалась. Ладно бы, если эти ловушки вовремя проверялись и улов забирался домой. Рыба просто гибла и протухала. Рыбнадзору надо было благодарить ребят с «территории». На памяти Белозёрова, они уже раз пять били морды таким горе-рыбакам, убирали зверские ловушки и брошенные без присмотра сети.

Иногда на «территорию» командиры привозили своих родных или знакомых, ну а чаще всего «нужных» людей или воинское руководство. Река сразу перегораживалась большой сетью. А чтобы скоротать время до момента извлечения пойманной рыбы, на берегу устраивались посиделки с консервами и выпивкой. Для развлечения рыбу ловили на спиннинги и удочки, но без определённых навыков это редко кому удавалось, поэтому больше пили и пели, и до извлечения сети из воды доживали не все, многие уже просто не могли стоять на своих двоих. А сеть доставали обычно солдаты из караульного взвода...

Дело было летом, во время полярного дня, когда ночью было так же светло, как днём, поскольку солнце не заходило за горизонт. По ночам Белозёров любил гулять по «территории». Было светло, спокойно и тихо. Можно было пособирать грибы или порыбачить. Единственную неприятность составляли комары и мошка. Особенно мошка. Эта маленькая тварь пробиралась во все места, особенно любила залезать в сапоги и там грызть ноги. Укусы потом превращались в язвочки, которые очень долго не заживали. Утренний моцион приходилось начинать с того, что ноги туго перематывались медицинским бинтом, затем наматывались портянки. А сверху все мазались жидкостью от комаров, которая хранилась в огромной двухсотлитровой бочке. Что это был за «антикомарин», никто не знал, но от него почему-то растворялась краска на лодочных веслах, если вдруг приходилось грести, намазавшись этой дрянью. Заметив однажды на своих ладонях этот «эффект», Саня прекратил пользоваться опасной жидкостью и довольствовался одеколоном «Тройной». Комары не любили этот запах, так же как и Белозёров, поэтому взаимопонимание между ними было достигнуто.

Нелюбовь к «тройнику» осталась у Белозёрова ещё с того времени, когда, лежа в санчасти, он принимал участие в праздновании дня рождения ефрейтора Каландаришвили. Всё началось с портвейна «Три семёрки», в народе называемого «Три топора». Когда все уже были навеселе, спиртное кончилось, и Гиви предложил «догнаться» одеколоном «Тройной», предварительно разбавив его водой. «Тройной» одеколон служивые

люди называли «Шанель солдатская номер пять из города Парижу». После разбавления «шанели» водой получалась противная мутная жидкость, но говорили, что пить можно, и Белозёров сдуру согласился, четко следуя поговорке: «Свинья везде грязи найдёт!» Утром Саня с удивлением узнал, что после принятия этого пошла они с Гиви пели грузинские песни и очень долго беседовали на грузинском языке! То, что «тройник» так резко повышает знание иностранных языков, было приятно узнать. Из неприятных же ощущений от его употребления осталось то, что потом Белозёрова сильно тошнило каждый раз, когда кто-то рядом брызгался им после бритья... Фу!!!

Ходить ночью по «территории» без оружия было небезопасно, и поэтому, немного понырвав в соседнем озере, которое показали ему аборигены, Белозёров нашёл довольно приличный немецкий автомат времён Великой Отечественной войны. Этого добра в округе было в избытке. В тех местах во время войны шли сильные бои, и, видимо, отступая, немцы бросили в озеро много всевозможного вооружения. Там валялись автоматы, карабины, гранаты, снаряды, противотанковые мины и много цинковых ящиков с патронами. На дне озера был густой ил. Все металлические предметы, которые оказались выше границы ила, сгнили, а всё остальное сохранилось практически в идеальном состоянии. А если ещё было хорошо смазано, то из оружия можно было стрелять, как только достанешь его из воды. Из-за боязни получить травму в озеро не залезали. Соорудив примитивную «кошку» из трёх-четырёх крюков на веревке, развлекались тем, что, сидя на берегу озера, бросали её

в воду, делая ставки, кто сегодня больше вытащит из воды всякой немецкой дряни.

И однажды, когда командиры зачастили с гостями на «территорию» и служащим там солдатам это жутко надоело, поступили просто. Перед входом в казарму положили четыре противотанковые мины. Когда гости приехали, с ними случился шок. Был жуткий скандал, но солдатики прикинулись законченными идиотами, пояснив, что такого добра на «территории» полным-полно, что мины найдены рядом с казармой и их принесли, чтобы сдать компетентным лицам для последующего уничтожения. Командир замял это дело, и чтобы не было лишней огласки, поступили просто — мины утопили в ближайшем озере, выставив табличку: «Осторожно! Мины. Купаться запрещено!» А кто-то из местных шутников ещё и приписал внизу на немецком языке: «Vorsichtig die Minen! Zu baden es ist verboten!» Будто немцы могли попасть на эту охраняемую, засекреченную территорию! Но утечка информации всё-таки произошла, и гостей на «территории» значительно поубавилось. Особенно... немцев! Ха-ха!

Перебинтовав ноги и засунув их в сапоги, Саня надел на себя длинную, до пола, шинель. Лицо он обмотал белым вафельным полотенцем, оставив только щёлку для глаз, и, опустив клапана пилотки, нахлобучил её на голову, закрыв от комаров уши. Закончив с необходимыми приготовлениями, Белозёров вытащил из-под матраса немецкий автомат и повесил его на грудь. Не торопясь, он засунул руки в карманы и в таком виде отправился на очередную вечернюю прогулку. Сначала погода была

прекрасная, и Белозёров проболтался по лесу часа три. Потом солнце зашло за тучи, небо потемнело. От реки начал расползаться густой туман, заморосил мелкий дождик. Саня решил дойти до воды, а потом вернуться в казарму.

С берега доносились звуки, как будто кто-то разговаривал. Белозёров решил посмотреть, кто это, и подошёл поближе. Оказывается, пока он гулял, прапорщик Сердюк привёз своих знакомых на рыбалку. Видимо, из-за ухудшившейся погоды посиделки решили перенести с берега в помещение казармы, и двое гостей вместе с прапорщиком собирали в сумки закуску и спиртное с импровизированного стола на большом валуне, а один из гостей, одетый в оранжевый комбинезон, метрах в двадцати от них укладывал в рюкзак пойманную рыбу.

К нему-то Саня и вышел. Мужик стоял на коленях спиной к Белозёрову и старательно паковал рыбу в рюкзак, аккуратно заворачивая каждую сёмжину в белую тряпку. Саня не ожидал наткнуться на мужика, так как слышал голоса в другой стороне, поэтому остановился, не зная как поступить дальше. А мужик то ли спиной почувствовал сзади угрозу, то ли услышал звук сломанной ветки, но он вдруг замер, спина его напряглась, а затем он поднялся с колен и начал медленно поворачиваться. Ожидал он, вероятно, увидеть всё, что угодно, только не то, что появилось у него перед глазами. Это могла быть росомаха, медведь или олень, их достаточно водилось в этих местах, ну, в конце концов, это мог быть просто охотник. Но то, что он увидел, заставило его громко

икнуть и снова опуститься на колени, так как стоять он уже не мог. В кустах в густом тумане стоял призрак немецкого солдата в длинной шинели с автоматом на груди и совершенно белым лицом, за которое он принял вафельное полотенце, накрученное Белозёровым вокруг головы. Мужик медленно поднял вверх руки и, лихорадочно вспоминая уроки немецкого языка в школе, тихо выдавил из себя: «Нихт шлиссон... О, найн, найн! Вроде не так. А, вспомнил! Нихт шиссен!», что должно было означать: «Не стреляйте!» — «Я, я. Гут... Зер гут!» — после долгой паузы ответил ему призрак и, развернувшись, растворился в тумане.

Побродив ещё около часа, Саня спрятал в близлежащих густых кустах автомат и тихо проскользнул в казарму. Проходя мимо кухни, он услышал звон стаканов и громкий смех. Вкусный запах жареной картошки и рыбы заставил Саню притормозить у двери. Белозёров остановился и в небольшую щель в дверном проёме разглядел сидящих там людей. Это были сегодняшние гости-рыбаки и прапорщик Сердюк. Все громко смеялись, а один из гостей, молодой белобрысый парень в зелёном свитере и оранжевом комбинезоне, растерянно смотрел на смеющихся и обиженным тоном упорно твердил:

— Да чего вы ржёте? Чего ржёте-то? Я же точно видел. Немецкий солдат вышел из тумана, главное, бледный такой, почти прозрачный. Шинель длинная, пилотка немецкая, сапоги, автомат...

— Да это, видимо, кто-то из местных солдат был, из взвода охраны, — сквозь смех выдавил из себя Сердюк.

— Ага, ночью вышел погулять с немецким автоматом на груди. Я чего, наш «калаш» от немецкого «шмайсера» не отличу, что ли? Чай, в армии служу!

Мужики за столом продолжали смеяться, а Сердюк со стула сполз под стол и оттуда то ли говорил, то ли хрюкал:

— Точно! Хр, хр... Это немец, верный присяге... хр, хр... так и ходит до сих пор, службу несёт! Хайль Гитлер! Не знает, бедный, что война-то уже кончилась! Видимо, во время войны был очень молодой, из гитлерюгенда, вот и дожил до наших дней и держится ещё бодреем... хр, хр... ходит, понимаешь, по кустам с автоматом, на русских рыбаков охотится, принимая их за партизан! Да ещё русские таблички на свой немецкий переводит... хр, хр... Коля, ты больше это никому не рассказывай, а то тебя быстро в «дурку» определят и турнут из армии!

— Да ну вас! — парень в оранжевом комбинезоне махнул рукой. — Я же не говорю, что он живой. Наверное, мёртвый, ну, типа, призрак! — он посмотрел на дно своего стакана, будто кого-то там увидел. — Но ведь я же с ним разговаривал!? А он мне ответил ещё так зловеще: «Я, я! Зер гут», типа, хрен с тобой, живи. А что «я, я»? Я потом от этого «я, я» с испуга даже на ноги встать не мог минут пять.

Очередной взрыв хохота потряс кухню. А Коля, не обращая внимания на обидный смех, снова глядя на дно своего стакана, тихо спросил:

— А кто же у вас тогда таблички на немецкий переводит? А?

Ответа почему-то не последовало, а смеяться все вдруг перестали, с неподдельным удивлением уставившись на прапорщика Сердюка.

— А я чего? Я не знаю, — Сердюк сконфуженно оглядел присутствующих и тоже затих, изображая работу мысли на своём лице.

Саня не стал дослушивать, чем закончится разговор, и тихо прокрался в казарму. Он загнул одеяло с боков под матрас и, как в конверт, влез под него, накрывшись с головой. Только так можно было спастись от комаров, которые серыми тучами кружились в помещении казармы, как, впрочем, и в остальных помещениях. Утром на тёплом одеяле комаров было столько, что если приложить к одеялу руку, то можно было получить достаточно приличный её отпечаток.

Пригревшись под одеялом, Белозёров вспомнил ещё один случай, когда он был на учениях в районе Линахамари. В том месте, где развернули узел связи, во время войны проходила немецко-норвежская линия обороны. Велись кровопролитные бои. Вся округа была изрыта окопами и утыкана блиндажами и всевозможными землянками. Убитых, видимо, не успевали хоронить, и кругом были разбросаны человеческие кости и остатки амуниции как наших солдат, так и солдат противника. Место это находилось в жуткой глухомани, да ещё необходим был специальный пропуск, чтобы туда попасть, и поэтому всё сохранилось в своей первозданной «красоте».

И вот, находясь на учениях, свободные от дежурства солдатики основательно прошлись лопатками по этим окопам и перешерстили все блиндажи. Находили личные

вещи убитых и то, что раньше было боевым оружием, вернее, его проржавевшие останки. В бесчисленном количестве кругом валялись ржавые патроны, осколки снарядов и разнокалиберные гильзы, а также различные железки, бывшие ранее аппаратурой связи или ещё чем-нибудь полезным.

Однажды Саня нашёл в песке между корнями берёзы штык-нож от немецкого или норвежского карабина, который был в приличном состоянии, сохранилась даже деревянная дубовая рукоять. Он показал находку своему армейскому приятелю Кольке Обалдину, и тот загорелся найти что-нибудь более ценное, уговорив Саню продолжить поиск уже в его компании. Правда, занимались они этим недолго.

В ближайшем окопе Колька носком сапога случайно выкопал зелёную гранату, не поняв сразу, что это такое, и посчитав находку малозначительной, лихо пнул её ногой. Белозёров только выкатил от ужаса глаза, не успев даже крикнуть что-нибудь вроде: «Не трогай! Ложись! Беги!». Граната пролетела метра четыре и шмякнулась на дно окопа. Секунд через пять и Колька понял, что сотворил, тихонько ойкнул и прислонился спиной к стенке окопа. Ещё секунд десять он и Белозёров молчали и тупо смотрели на гранату. Потом Обалдин невозмутимо сказал:

— Ну чё? Посмотрим? Она, наверное, ржавая и не работает?

— Коля, я знал, что ты дурак, но не до такой же степени! Можешь оставаться, смотреть, рыть, закапывать или откапывать, а я пошёл. Хватит с меня археологии! — сказал Белозёров и попытался вылезти из окопа.

Но с первой попытки это ему не удалось — земля под ногами осыпалась, и Саня сполз на дно окопа. Когда он решил предпринять вторую попытку, этот идиот Обалдин всё-таки решил подойти к гранате. Как только он сделал первый шаг в её направлении, в гранате что-то громко щёлкнуло, и Белозёрову показалось, что она даже слегка шевельнулась. В следующий момент он и Обалдин, словно на крыльях вылетев из окопа, уже бежали по склону сопки наверх к её вершине и, добежав, упали лицом в траву. Взрыва не последовало, и минут через пять они посмотрели вниз. Сверху дно окопа не просматривалось, и Саня, сделав хитрую физиономию, спросил:

— Ну что, Коля, может, пойдёшь посмотришь, что там случилось, почему она не взорвалась? Может, колечко надо посильнее дёрнуть? Иди, дёрни.

— Нет уж, дураков нет! — тяжело выдохнул Колька.

— Надо же. А в окопе я было подумал, что один всё-таки есть! Ладно. Будешь дальше копать или пойдём обедать? Если остаёшься, то без меня, мне приключений на мою бедную задницу сегодня хватит. — И Саня, не дождавшись ответа, пошёл в сторону расположения узла связи.

— Стой, Белозёров, я, это, как его, с тобой! — крикнул Колька и мелкой трусцой засеменял следом, боязливо оглядываясь в сторону злополучного окопа, как будто боялся, что оттуда вылезет что-то ужасное и бросится за ними вдогонку.

После этого случая Белозёров решил больше не играть с судьбой и с «археологией» завязал раз и навсегда, предпочитая рыбалку, благо речка была совсем рядом,

а в машине были предусмотрительно приготовлены две небольшие удочки. Выловленную рыбу ребята солили в солдатском котелке, а потом, развесив на проволоке в машине, за радиопередатчиком, сушили её, отчего в кунге всегда стоял обалденный запах солёной рыбы, и от этого жутко хотелось холодного пива и... жрать! Штык-нож от трофейного карабина Саня старательно смазал и спрятал от греха подальше в наружном отсеке автомобиля, где хранился небольшой бензоагрегат для обеспечения резервного электропитания радиостанции.

Остальные же, не наученные горьким опытом, продолжали «раскопки» в надежде отыскать что-нибудь ценное. Уникальной находкой был норвежский презерватив, который даже развернулся, когда вскрыли упаковку, хоть сейчас «в бой». Да, ничто человеческое нам не чуждо, даже на войне. Один солдат нашёл золотые часы. После этой находки раскопки возобновились с удвоенной силой. Не брезговали копать даже прапорщики и некоторые офицеры.

Больше всех повезло прапорщику Смирнову: он отрыл засыпанную землёй и камнями землянку. Расчистив вход, он открыл небольшую входную дверь и пролез внутрь. Внутри было темно, хоть глаз коли. Смирнов достал фонарик, осветил и...

На его жуткий вопль сбежались почти все, кто был на узле связи. Прапорщик орал не умолкая, и его с трудом извлекли из землянки. Заикаясь, он силился что-то рассказать, но это у него не получалось. Когда отдельные смельчаки рискнули расширить вход в землянку и, поработав сапёрными лопатками, вошли внутрь, то волосы на головах встали дыбом даже у видавших виды старых вояк.

За столом землянки сидел немецкий офицер в шинели и в фуражке. В одной костлявой руке он держал телефонную трубку, приложенную к уху, а в другой руке пистолет, направленный на входную дверь. Своими пыстыми глазницами он внимательно и злобно смотрел на вошедших в его владения глухих людей.

Кто-то тихо ойкнул, и это послужило сигналом, чтобы все дружно бросились вон! Потом, когда страсти немного улеглись, землянка все-таки была обследована. Рядом со столом нашли ещё одни останки в немецкой солдатской шинели и коротких сапогах, видимо, это был рядовой солдат. Он лежал на ящике с патронами, прижимая к себе костлявыми руками автомат. На столе стояли закрытые металлические банки с консервами и бутылки с пыльными этикетками и какой-то жидкостью, видимо, это было спиртное. Попробовать эту снедь никто не решился, хотя соблазн был велик. Консервы в промасленной бумаге хорошо сохранились. Говорят, тушёнка, пока жива сама банка, вообще не портится. Ну а спиртное от времени только улучшает свой вкус, конечно, если до этого бутылка не вскрывалась! Но желающие все-таки не нашлись. За «героями археологами» в землянку потянулись другие любопытные, и от топота множества ног немецкий офицер за столом рухнул на пол и превратился в то, чем и должен был быть. В прах! А его пистолет как-то незаметно растворился в командирских карманах. Не нашли после этих «экскурсий» и солдатский автомат. Хотя до этого все подержали его в руках. Бедного прапорщика Смирнова кое-как привели в чувство, но заикание у него так и осталось на всю жизнь, как его ни пытались лечить. Беда...

И смех, И грех, И лёд холодный

После ночных прогулок Белозёров частенько отсыпался почти до наступления обеда. Делать свою работу он не торопился, хотелось побыть подольше на «территории», благо осень в этом году стояла тёплая. Он ловил рыбу, собирал ягоды и «охотился» на грибы.

Когда ему надоело далеко ходить в поисках грибов, он сделал просто: нашёл поляну с белыми грибами и, чтобы ускорить их рост, носил воду и поливал грибы, словно огурцы на грядке. Потом недалеко он наткнулся на ещё одну полянку с грибами и, так сказать, увеличил свои плантации. Правда, на второй полянке грибы росли значительно медленнее, чем на первой, и это несколько удивляло плантатора-«грибовода». По прошествии некоторого времени, когда Саня уже начал терять терпение, открылась горькая правда. Коричневые круглые шляпки белых грибов вдруг вытянулись вверх и стали похожи на крыши экзотических домиков-теремков. Да! Оказалось, что Саня целую неделю помогал расти поганкам, хорошо замаскировавшимся под белые грибы. Ну что ж, в любой научной работе иногда бывают отрицательные результаты. Будем повторять опыты. Вон ещё полянка...

С рыбалкой тоже был курьёзный случай, чуть не окончившийся трагично. Сетью ловить рыбу Белозёров не любил, только помогал ребятам, если просили помочь наловить побольше рыбы к приезду большого начальства. Саня предпочитал удочку и спиннинг. Рыбы ноль, зато удовольствие и физзарядка на весь день. Иногда, правда, что-то и попадалось сдуру.

Встав с утра пораньше, как-то на зорьке он сидел в лодке и тупо смотрел на поплавок, который как будто замерз в воде. Клёва не было. Сидя на носу лодки, Саня начал сам клевать носом и, пригревшись на утреннем солнышке, потихоньку задремал. Вдруг прямо перед ним из воды выскочила огромная рыбина, обдала его брызгами и ушла в глубину. Саня, спросонья изрядно перепугавшись, чуть не выпал из лодки в воду. Он только успел заметить, что это была здоровенная семга. Очень крупный экземпляр! Такую большую рыбину Белозёров видел только один раз за всё время пребывания на «территории». Однажды, когда выбирали из воды сеть, подобную рыбину втроем еле втащили в лодку. Она, видимо, за ночь совсем выбилась из сил, пытаясь освободиться из сети, и производила впечатление дохлой. Но в тот момент, когда один солдат наклонился к ней, чтобы получше рассмотреть, рыбина резко дернулась и так ударила его хвостом, что тот потерял сознание и чудом не упал в воду. Пришлось отлить его водой, чтобы привести в чувство. В тот момент все даже про рыбу забыли. Очнувшись, солдатик схватил весло и минут десять бил им по бедной рыбе, пока она не затихла. Столько силы в ней было. А солдату этому просто по жизни не везло. Вот и сегодня он опять попал в историю.

Белозёров, после того как чуть не сыграл с лодки в воду, причалил к берегу и, взяв спиннинг, пошёл на другой берег водяной заводи. Там, как он давно приметил, гуляла достаточно крупные щуки. Эту рыбу Белозёров не любил. Но наловить щук просил местный повар Димыч, который обещал приготовить их по какому-то особенному архангельскому рецепту.

Пока Белозёров бросал спиннинг, к нему подошёл невезучий солдат. Это был достаточно крупный парень, высокого роста и атлетического телосложения. К слову сказать, Саня сам видел, как он на спор поднимал вагонную ось с колесами, неведомо как попавшую на «территорию» и валявшуюся за казармой. Ну, поднимал — это сильно сказано, но от земли он её отрывал. А это о чем-то говорит! Парня звали Томми, родом он был из Литвы. Фамилию Томми Саня постоянно забывал в связи с её труднопроизносимостью и называл его финской фамилией Пирволяйнен, к которой последний быстро привык и на Белозёрова не обижался. Да и вообще, к своему стыду, Саня признавал, что у него была жутко плохая память на имена и фамилии, а также цифры, даты и... ну, впрочем, не об этом речь, а о Томми.

Пока Томми с Белозёровым мирно болтали на отвлечённые темы, леска на спиннинге резко натянулась и катушка начала с огромной скоростью раскручиваться. По всему было видно, что на блесну попалась огромная рыба. Это была явно не щука, и Белозёров сразу вспомнил про огромную сёмгу, напугавшую его рано утром. Вытащить такую рыбину на спиннинг было нереально, и Саня только смотрел на катушку, которая, как в ускоренной съёмке в кино, продолжала быстро раскручиваться. В этот момент Томми с криком: «Не бросай!» выхватил у Белозёрова спиннинг и начал быстро наматывать леску на руку, делая большие витки между кистью и локтем, как обычно сматывают веревку. Пока Томми мотал леску на руку, рыба постепенно тащила его к воде. И вот когда он уже стоял у самой кромки воды, рыбина сделала сильный рывок. Леска на руке солдата резко затяну-

лась и он, как тряпичная кукла, оторвавшись от берега, плюхнулся в реку и ушёл под воду. Секунды через три его лысая голова появилась на поверхности воды, видны были огромные испуганные глаза и перекошенный рот, который что-то беззвучно пытался произнести. Томми старался освободиться, но леска сильно затянула его руку, и он, подобно воднолыжнику за катером, заскользил за рыбиной по водной глади. Со стороны он тоже напоминал какую-то диковинную оглушённую рыбу. Это зрелище так заворожило Белозёрова, что он стоял с открытым ртом и восторженными глазами, как будто смотрел экзотическое цирковое представление. Сейчас, наверное, через обруч будут прыгать. Алле-ап!

Все бы это было очень забавно и смешно, если бы воднолыжник не начал захлёбываться и тонуть. Только тут до Сани дошло, что Томми просто не сможет сам освободиться от лески. Белозёров быстро сбросил сапоги и куртку и прыгнул в воду. Плыть было легко, так как ледяная вода приятно бодрила. Рыба, устав катать Томми, ослабила леску, и Белозёров, догнав «сладкую парочку», перерезал леску штык-ножом, всегда болтавшимся у него на поясе. Когда солдаты выбрались на сушу и сели на каменистом берегу, Томми, выплёвывая воду и икая, сказал:

— Блесну жа-жалко. Хорошая была бле-блесна!

— Ну, ты даёшь, рачительный крестьянин! — отозвался Саня, клацая зубами. — Только что тонул, а теперь ему блесну жалко! Ты иди, поныряй, может, рыбу догонишь и отберёшь у неё блесну. А лучше поговори с ней, может, сама отдаст, да ещё пригласи её на обед, может, она и согласится? И ей уважение окажем, и сами сыты

будем. Ты, Пирволяйнен, случайно не хохол литовский? Давай бегом в казарму, а то сейчас быстро «обляденеем», и будет тебе «бля-блясна»! — заорал Белозёров и быстро припустил к зданию казармы, сушить одежду и греться горячим чаем.

Купание в ледяной воде не прошло для Сани даром, и он начал активно чихать и сопливать, постоянно вытирая свой длинный нос полотенцем, которое ещё утром повесил прямо на шею и больше с ним не расставался, даже после отбоя. Томми же отделался легким испугом, правда, ненадолго, только до вечера. Простуда его не взяла, но в столовой он нашёл другие неприятности. Ну, это уже судьба-злодейка. Вероятно, он их, эти неприятности, искал постоянно. Или они его, а? История об этом умалчивает!

Когда все собрались на ужин, один солдатик-узбек угостил Белозёрова аджикой, присланной ему из дома. Аджика была такая острая, будто сделана из уксуса с порохом! Поэтому братъ её можно было только на кончике ножа. Томми, сидящему за соседним столиком, показалось, что Белозёров угощается малиновым вареньем. Аджика в банке издалека действительно была очень похожа на него. Такой же цвет и консистенция.

— Делитесь вареньем! — заорал Пирволяйнен через стол.

— На, бери, только немного, а то на всех не хватит, — сказал узбек и протянул ему банку.

Чтобы себя, любимого, не обделить, Томми взял большую ложку и, от щедрот зачерпнув ею из банки, сразу отправил ложку в рот, надеясь быстро проглотить варенье и сползть в банку ещё разок. Что было дальше,

трудно описать словами. Глаза Томми вывалились из орбит, он стал задыхаться, хватая ртом воздух, как та рыба, вытасненная из воды и получившая от него веслом по голове.

«Что-то подобное я уже видел с утра», — подумал Саня, вспоминая пирволяйновскую рожу в реке, и протянул ему свой компот.

Томми выпил из кружки, но всё равно продолжал задыхаться и, как марионетка, только махал своими здоровенными ручищами. Пришлось быстро всем остальным солдатам отдать свои компоты, которые Томми со скоростью ракеты заливал себе внутрь, как будто готовился к неожиданной и длительной засухе.

Когда он немного отошёл от стресса и память всё-таки вернулась на своё место, он наткнулся взглядом на человека с банкой аджики в руке и открытым от удивления ртом. Так что пришло время удариться в бега солдатику-узбеку. Бросив банку, он выскочил из-за стола и растворился за дверью столовой. Вернулся он в казарму только после того, как Томми уснул, а до этого бедолаге пришлось сидеть на складе, на мешках с картошкой, и тихо замерзать, так как отопления там не было. Наутро Томми всё же вlepил узбеку звонкую затрещину, когда тот наклонился над умывальником, чтобы почистить зубы. Зубная паста тут же перекочевала со щётки на лицо узбека. После этого к ней присоединился и весь остальной тюбик зубной пасты. А когда узбек стал похож на раскосую снегурочку, ребята, посмеявшись, помирились. Ведь на «территории» — как на подводной лодке, всё равно убежать некуда. После этого других героев поесть аджики больше не нашлось.

Слишком убедительным был пирволяйновский мини-спектакль в лицах... или жутких мордах.

Да, летом и осенью коротать свободное время можно было без проблем, хуже зимой, когда все дороги замело снегом, и иногда неделями не было смены. Зимней рыбалкой увлекались немногие. В основном это были пришлые люди, которых привозили командиры. Все они были отлично экипированы, а над просверленными лунками ещё и выставлялись палатки, в которых горел примус. Для них это была романтика и, так сказать, активный отдых. А у солдат здесь была жизнь. Холод, полярная ночь, темень, ветер. Занятие не из приятных ловить рыбку на морозе, закутавшись в шинельку! Ах, извините, как-нибудь в другой раз.

Туалет был на улице, метрах в двадцати от казармы, и ходить туда в пургу, особенно вечером, было не большим удовольствием, того и гляди заблудишься и замерзнешь, проходив всю ночь рядом с домом, но так в него и не попав. Поэтому от входа в казарму до её ближайшего угла прокапывали дорожку и протягивали вдоль неё для ориентира толстую веревку. Человек, держась за веревку, доходил до «места», а потом тем же способом возвращался назад.

Однажды на «территории» родился и передавался потом от одного призыва к другому интересный способ перевоспитания «трудных» сослуживцев. А дело было так...

Служил здесь как-то солдат Зайцев. С виду забавный — рыжий, курносый и конопатый. А внутри — занудный вредный тип, до невозможности. Пока он был

молодой по армейским понятиям, эта занудность как-то не проявлялась. Но как только он стал старослужащим, молодежи совсем житья от него не стало, докопаться мог до комара на кровати: «Чего он там сидит? А, солдат?» И решили его как-то проучить. Случай не заставил себя долго ждать. Однажды, когда на улице было уже совсем темно, а кроме того, выла сильная метель, приспичило Зайцеву сходить в туалет. По «серьезным», так сказать, делам!

Он вышел через центральный вход на улицу и по веревочке успешно добрался до места, где и сел на углу дома, чтобы сделать «большое» дело. Скажем прямо, делать это зимой на улице жутко неудобно. Для этого необходимо было расстегнуть куртку и специальный клапан сзади комбинезона, не говоря уже о штанах и зимних кальсонах.

В это время один из солдат через окно кухни выбрался на улицу и, как мышь, пробравшись вдоль дома с другой стороны до этого же угла, тихонько подсунул под сидящего Зайцева широкую лопату для уборки снега. Принял всё на неё и забросил затем «содержимое» вместе с лопатой далеко в сугроб. Закончив «работу», Зайцев запаковался, застегнул комбез на все пуговицы и вернулся в казарму. Минуты через две после его появления все присутствующие в помещении один за другим, стали тянуть носом воздух и возмущаться: «От кого это так дерьмом несёт? Фу, как воняет!»

Зайцев молча встал и вышел из казармы на улицу. Дойдя до угла дома, он обнаружил, что на снегу ничего нет, и, забежав за угол, разделся и стал осматривать комбинезон, штаны и кальсоны изнутри. Ничего не

обнаружив и там, он вернулся в казарму. Всё повторилось. Так он выбегал «зайчиком» на улицу раз пять, тупо смотрел сначала на снег, а потом в свой комбинезон. Нигде ничего не было — ни там ни там! Совсем одурев и изрядно продрогнув, Зайцев вернулся в помещение и надолго закрылся в учебном классе. Что он там делал, оставалось только догадываться. Наутро «заяц» заболел и на две недели был отправлен на «большую землю» в роту, есть свежую морковь и пить таблетки.

Только после этого случая, вернувшись на «территорию», Зайцев стал тихим и скрытным и до самого «дембеля» в самую жутчайшую погоду ходил только в туалет, самостоятельно прокапывая туда в снегу дорожку и натягивая веревку. Там он закрывался на крючок и подолгу не выходил. Что его разыграли, Зайцеву так и не рассказали. Какие выводы он для себя сделал, теперь неизвестно, но «молодых» солдат чморить перестал. Раз и навсегда. Значит, можно всё-таки перевоспитать человека. Или просто ему было очень стыдно?

Был ещё случай, когда зимой дежурный на КПП вышел из помещения на улицу и забежал за угол облегчиться. Хорошо, что по привычке взял с собой автомат, к которому сверху был пристегнут штык-нож. Это солдата и спасло.

Только он расслабился и на выдохе облегчения стал поливать сугроб жёлтой водичкой, как с крыши КПП на него что-то свалилось. Под тяжестью упавшего на него предмета солдат уткнулся носом в снег и минут пять не мог из сугроба выбраться и только беспомощно барахтался, стараясь скинуть с себя это что-то. Потом он всё-таки поднялся на ноги, но, мельком взглянув на

«предмет», тут же снова сел на снег, так и оставшись со спущенными штанами. Таким дежурного и нашёл второй солдат-дневальный, обеспокоенный его длительным отсутствием и отправившийся на поиски. Оказалось, что на штык попала здоровенная росомаха, которая прыгнула на человека с крыши КПП. Как и когда забралась туда эта тварь, никто не видел и не слышал, потому что на улице была сильная пурга. Парень отделался испугом, так как, на своё счастье, был в тулупе и шапке с опущенными на уши клапанами. Зверюга немного подергалась на штыке и сдохла, даже не оцарапав голову и спину солдатака. Пострадала только слегка примороженная задница, ну и ещё кое-что небольшое. Правда, после этого случая парень наотрез отказался служить на «территории», и его отправили в роту на «большую землю». Да и все остальные зимой по нужде стали ходить только с оружием и вдвоем. Хотя до этого случая росомахи никогда не подходили близко к жилью. Их можно было увидеть лишь в солнечную погоду по весне, когда начинались у зверья любовные игры, и то только в бинокль. Но, видимо, год был голодный, и решила зверюга немного подкормить себя и детишек местной «солдатинкой». Мясо-то молодое...

Ну да ладно, это было зимой и не очень-то смешно, а сейчас ещё осень и стоят достаточно тёплые для этой местности деньки.

Когда Белозёров вышел на улицу из темного помещения казармы, то невольно зажмурился от низко висящего осеннего солнышка. По небу плыли небольшие тучки, воздух был прозрачным, пах грибами, ягодами

и прелыми листьями. Такая погода в этих местах бывает крайне редко. Хочется дышать, дышать и дышать этим воздухом!

— Благодать-то какая, господи!!! — крикнул он и побрёл вверх по сопке на свои «грибные плантации», надеясь сегодня полакомиться свежими, только с грядки, грибочками.

Рыба уже изрядно надоела, да и красная икра уже не доставляла такого удовольствия, перейдя из разряда деликатеса в обычную еду. Саня договорился с поваром, и тот обещал пожарить картошку с грибами, если последние будут доставлены ему на кухню в ближайшее время.

Белозёров уже почти дошёл до своего импровизированного грибного огорода, когда его внимание привлек шум трактора и отборный мат, доносившийся откуда-то правее тропинки, по которой он взбирался на сопку. Свернув с тропинки, Саня пробрался через густые кусты и вышел на открытое пространство, где и увидел трактор, который, как заправский фигурист, выделявал всевозможные «па» на площадке, покрытой... льдом! Здесь же обнаружился и источник ненормативной лексики, которая доносилась из открытой кабины трактора. Минут через пять трактор остановился, и из его кабины вылез молодой солдатик, лицо которого было обильно перепачкано то ли сажей, то ли смазкой. Увидев Белозёрова, он перестал материться:

— Товарищ сержант! Вы когда-нибудь видели такую хрен... такое чудо?

Он выпрыгнул из кабины трактора и, не удержав равновесия на льду, широко всплеснул руками, и растянулся всем телом на гладкой холодной поверхности, как

большая зелёная лягушка. Немного побарахтавшись, он все-таки сумел подняться на четвереньки и, стоя в этой смешной позиции, задрал вверх голову, продолжил:

— Командир дал задание к пятнице расчистить дополнительную площадку для организации стоянки автомобилей. Я стал трактором убирать черничник и вдруг чувствую, что машину начало водить, как на льду. Сначала не знал что и думать, но расчищаю дальше, прямо аномальная зона какая-то. А потом посмотрел вниз, а там и вправду лёд! Что же это такое? Вместо площадки для машин отличная площадка для подлёдного лова получилась.

Белозёров разбежался по земле и, сильно оттолкнувшись, прыгнул на лёд. Сапоги заскользили по гладкой поверхности, и Саня тоже чуть не потерял равновесие. Остановившись, он наклонился, осторожно потрогал рукой холодный прозрачный лёд и сказал:

— Вот, смотри, служивый, и запоминай, потом детям своим будешь рассказывать.

— Что рассказывать? — удивлённо вытаращился на Белозёрова солдатик.

— Ты откуда сам будешь и как тебя звать? — спросил Саня.

— Рядовой Лямин из Тамбова.

— Так вот, рядовой Лямин из Тамбова, смотри внимательно и запоминай, какая она, вечная мерзлота Кольского полуострова.

Лямин устался на площадку, где под кустами черники, растущей из дёрна и земли с глинистой прослойкой, был настоящий лёд. Получилось что-то вроде термоса, внутри которого лёд не таял. Но как на льду

мог образоваться черничник? Этого, вероятно, уже не узнает никто.

— Товарищ сержант, так мне дальше расчищать площадку или нет? — спросил солдат, перестав глазеть на ледовую гладь.

— Ну, ты, Лямин, и балбес! — сказал Белозёров. — Лёд-то рано или поздно растает, и неизвестно, какой глубины тут озеро. Давай лучше, дружок, убирай-ка отсюда свой трактор побыстрее, а то бог знает, что там подо льдом и какой он толщины. Может, есть пустоты. Сейчас солнце пригреет, и тогда останешься ты без своей боевой машины, а то и без головы. А появится командир, доложишь, что к чему. Всё равно придется искать новое место для площадки, а мы с тобой без разрешения начальства это сейчас не решим.

Лямин, жалея о проделанной ненужной работе, уныло побрёл к трактору, а Саня вернулся в казарму. Там в каптёрке он видел валенки, к которым были привязаны коньки с двумя полозьями. Раритетная вещь! На спринтерскую дистанцию, конечно, бегать нельзя, но поиграть в хоккей и потихоньку покататься можно.

Когда он брал валенки, каптёр Володя спросил:

— Чё, Сань, валенки решил деду в деревню отправить, что ли?

— Нет. Пойду, покатаюсь немного на коньках, а то рыбалка уже надоела, — с серьёзным видом ответил Белозёров, прикрепляя к валенкам коньки. Проверив надёжность крепления, он взял валенки и направился к выходу из казармы.

Володя посмотрел на него как на больного, но ради, как говорится, спортивного интереса, решил всё-таки

посмотреть, что Саня будет делать с коньками. Он пошёл за Белозёровым и проследовал за ним до самой ледяной площадки.

Когда Саня надел валенки и поехал по льду, восторгу его не было предела. Эх! Поберегись!!!

Новость быстро облетела маленький гарнизон «территории», и уже минут через двадцать на льду не было места. Надо было что-то предпринять. Тогда решили вернуть трактор и на свой страх и риск расширили площадку до величины небольшого хоккейного поля. Метёлками расчистили лёд от остатков земли, а с ближних деревьев спилили толстые ветки, из которых смастерили импровизированные хоккейные клюшки. Из камней и веток сделали ворота. Шайбой стала небольшая жестяная банка с надписью «Завтрак туриста». Разделились на две команды. И началось ледовое «ристалище». Битва рыцарей в зелёных шинелях и чёрных ватниках продолжалась почти до вечера, желающих было много. Кто-то даже предложил подтянуть к площадке прожектора и сделать освещение, чтобы смогли покататься другие военнослужащие, освободившиеся от дежурства вечером. Так бы, наверное, и сделали, но неожиданно пошёл холодный дождь, который остудил спортивный пыл и погнал всех рыцарей в тёплую казарму.

Наутро лёд ещё не растаял, но его уже сантиметров на десять покрывала вода. Ходить по нему можно было только в резиновых сапогах. Кто-то предложил подогнать помпу и выкачать воду, но идея не получила поддержки, и все разошлись по своим делам. Потом долго вспоминали «ледовую битву» и смеялись. Все участники матча

остались довольны необычным для этого времени года видом спорта. Все, кроме рядового солдата Федоскина, который, стоя в воротах, не смог поймать «шайбу». Банка с угрожающей надписью «Завтрак туриста» угодила ему прямо в лоб. Слава богу, обошлось без крови, но огромная шишка украшала его голову ещё очень долго. Зато вышло от этого и своеобразное удобство при ношении пилотки. Она прочно фиксировалась на этой искусственно образованной лилово-синей возвышенности на голове. А также местный повар ефрейтор Зинцов при виде Федоскина вздыхал и говорил:

— Пострадавшим в хоккейном матче положены льготы, как ветеранам Ледового побоища, — и клал в его тарелку небольшой кусочек мяса, который, видимо, раньше оставлял для себя.

Из-за этих хоккейных баталий Белозёров так и не дошёл до своей «грибной плантации» и не насобирав ни белых, ни каких других грибов. Так что вечером пришлось опять есть жареную красную икру. Будь она неладна!

«Хотя... Ну и не страшно. И сытно, и будет что рассказать на гражданке. Не думаю, что кто-нибудь, когда-нибудь вот так запросто жарил каждый день красную икру!» — думал Саня, зачерпывая столовой ложкой очередную порцию экзотической еды гурманов-извращенцев.

Когда Белозёров уезжал с «территории», он напоследок прогулялся по её ближайшим окрестностям. Сначала сходил в реке и в самом глубоком её месте, хорошо размахнувшись, «похоронил» свой «шмайсер». От греха

подальше. Люди разные бывают. А потом пошёл к новому водному образованию, появившемуся на месте хоккейной площадки. Солдаты назвали новое озеро Ляма в честь его первооткрывателя — рядового Лямина из славного города Тамбова.

Вода в озере была чистая и прозрачная, а на дне лежал ещё не растаявший лёд. Из воды торчали самодельные ворота, а на поверхности плавали палки-клюшки.

— Интересно, какая там глубина и растает ли этот лёд когда-нибудь? И сколько же этому льду лет? Может, несколько тысяч? Может, по нему ещё мамонты бегали? А если попить эту воду, то станешь первобытным человеком, и шерсть у тебя будет гладкая и шелковистая. Теперь понятно, откуда йети, снежные люди, берутся. А ведь говорила ему мама: «Не пей из озера, йетёночком станешь!» Нет же, никогда мы не слушаемся родителей, — беззаботно рассуждал Белозёров, шагая рядом с небезызвестным водителем Егоровым к зелёному металлическому «птеродактилю», называемому сокращенно ГТТ.

Это железное чудовище через десять минут проглотит его, белого и пушистого, в своё нутро, а через три часа, так и не переварив, выплюнет наружу уже на «большой земле», оглохшего от грохота гусениц, изжёванного, помятого, скользкого и зелёного. А потом, обдав напоследок сизым дымом из выхлопной трубы, снова отправится на «территорию», куда уже никогда не вернётся сержант Белозёров.

А «птеродактиль» ГТТ вернётся и будет продолжать свою службу, пока его не спишут в запас и не сдадут на переплавку. Или, что всего вероятней, бросят где-нибудь

в сопках, где рано или поздно откажет его железное сердце-мотор. На мертвую машину будут регулярно получать топливо, к всеобщей радости и благоденствию старшего прапорщика Сюхина — начальника местной станции ГСМ (горюче-смазочных материалов). Но после того как информация о маленьком счастье прапорщика всё-таки просочится в «верха» и пойдут ненужные разговоры, быстро составят акт на списание. И вместо героически сгнувшего в сопках «птеродактиля» сдадут во Вторчермет машину металлолома, собрать который взводу солдат не составит большого труда, ибо он в изобилии и в разных видах валяется по всей округе. После чего будет получена необходимая для списания с текущего баланса справка о «смерти» ГТТ. А до этого «зелёное чудовище» будет регулярно перепахивать своими металлическими лапами-гусеницами ягодники да олений корм ягель и распугивать мелкую и крупную дичь, вызывая праведный гнев защитников природы.

Ну, всё! Прощай, «территория»! Не поминай лихом!

ДАЛЬНИЙ ГАРНИЗОН

РЫБА ГНИЕТ С ГОЛОВЫ

Вернувшись с «точки» на «большую землю» в Лоустари, Белозёров опять оказался не у дел. Будучи только временно прикомандированным к роте связи, он, ненужный никому из руководства, тихо болтался по казарме или писал письма в Ленинской комнате.

Когда роту собрали в учебном классе, Белозёров мирно дремал на самом дальнем столе, называемом, как обычно, «камчаткой», подперев рукой голову. Перед собой на стол он положил шапку, чтобы в случае неожиданного засыпания не разбить о столешницу лицо. Командир второго взвода лейтенант Рыбочкин по приказу ротного в очередной раз начал воспитывать сержантский состав.

— Дисциплина в роте находится на самом низком уровне! — возвестил Рыбочкин, чуть наклонившись вперёд и опустив правую руку к полу, видимо, показывая уровень дисциплины в роте в настоящий момент. — Вы ведь сами понимаете, что рыба гниет с головы!

Произнеся последнюю фразу, он гордо вскинул вверх подбородок. Вид у него при этом был наиглупейший. Вероятно, он был очень горд, что вспомнил это крылатое выражение, а вероятнее всего, думал, что сам

является его автором. От этих слов Белозёров проснулся, вспомнив, что не далее как вчера офицерские сапоги лейтенанта Рыбочкина торчали из солдатского туалета, где последний мирно спал после удачной вечеринки по случаю присвоения старшине роты Кацу звания старшего прапорщика.

— Вы совершенно правы, товарищ лейтенант! — отозвался с «камчатки» Саня, разлепив глаза и придав лицу максимально серьёзное выражение и назидательно подняв вверх указательный палец правой руки. — Рыба действительно тухнет с головы.

В классе прозвучало чьё-то тихое «хи-хи», и все разом, скинув липкую дрёму, посмотрели сначала на Белозёрова, а потом на лейтенанта Рыбочкина. На бледном после вчерашних возлияний лице лейтенанта сначала мелькнула растерянность, но потом его залила яркая красная краска, а на шее вздулись вены.

— Что вы имеете в виду, товарищ сержант? — с грозными нотками в голосе спросил он, подойдя ближе и в упор глядя на Белозёрова.

— Я имел в виду наш сержантский состав. А вы что подумали? Понимаете, мне как человеку новому, свежим, так сказать, незамыленным взглядом видно, что дисциплинка-то действительно не на должном уровне, — Саня повторил жест Рыбочкина, опустив руку до уровня причинного места. — Необходимо её срочно поднять! — добавил он и поднял руку до уровня груди. Потом, как бы немного подумав, он приподнял руку чуть выше головы, тем самым ещё повысив планку дисциплины в роте.

Лейтенант тупо молчал, и тогда Белозёрова понесло:

— Ну а вообще-то, даже когда покупаешь рыбу на рынке, обязательно надо сначала понюхать её голову. Вдруг она протухшая? Тогда брать её категорически запрещено, так как будут сильные отравления среди личного состава, которые могут привести и к летальным исходам! Это надо твёрдо усвоить сержантскому составу, донести информацию до своих подчинённых и впоследствии проводить разъяснительную работу среди мирного гражданского населения. Таким образом, крылатая народная фраза, придуманная много веков назад и доведённая до нас сегодня товарищем лейтенантом Рыбочкиным, до сих пор не потеряла своей актуальности. Рыба действительно тухнет с головы, ибо, как сказано в Писании, «Ин вино веритас, но... закусить не забудь!» И ещё один важный момент, прописанный в народном фольклоре финно-угорских народностей...

— Сержант Белозёров! Отставить лекцию! — нервно выкрикнул наконец-то пришедший в себя Рыбочкин и, немного помявшись, уже тише добавил: — Народные мудрости это, конечно, хорошо, но сегодня командир роты объявил парко-хозяйственный день, так что все по рабочим местам! Навести порядок в роте и в автомашинах! Старший сержант Петренко, вы — старший, командуйте! А Белозёров и Самойлов в распоряжение старшины роты! Всем разойтись!

Старший сержант Женя Самойлов был командиром радиостанции, установленной на гусеничном вездеходе. На последних учениях его радиостанцию для надёжной связи загнали на самый верх одной из близлежащих сопкок. Три члена экипажа во главе с Самойловым разгрузили необходимое имущество связи и, покинув машину,

собирали и поднимали на стальные растяжки антенну. Этим они вытащили самый выигрышный в своей жизни лотерейный билет, потому что в это время их автомобиль решил немного покататься по окрестностям и, снявшись с тормозов, тут же «сыграл в ящик» — даже не чиркнув, улетел с вершины сопки в глубокую расщелину. В результате этого полёта боевая машина превратилась в груду металлолома. Её каким-то непонятным образом вытащили и приволокли в автопарк. Восстановлению машина не подлежала. Кое-как придали ей приличный вид и раскрасили в яркие камуфляжные цвета. Рядом с машиной поставили антенну, а внутрь установили списанную радиостанцию. Все это сооружение укрыли защитной маскировочной сеткой, и стало оно именоваться «запасной узел связи». Так что техника ждала своего срока до списания, а Женька Самойлов — демобилизации. Двух других членов экипажа тоже пристроили к делу. Старший радиотелеграфист был отдан в постоянное распоряжение старшины роты. Второй радиотелеграфист был отправлен для дальнейшего прохождения службы в местный свинарник, откуда офицеры роты периодически получали свежее мясо в случае прибытия высокого начальства или на праздничные дни, дабы столы их не оскудели.

— Товарищ прапорщик! Старший сержант Самойлов прибыл в ваше распоряжение! Сержант Белозёров прибыл в ваше распоряжение! — отрапортовали Женька и Саня, войдя в кабинет старшины роты Каца.

Как этот ортодоксальный еврей, имеющий родственников в Израиле, попал в эту глухомань, да ещё стал прапорщиком, наверное, не смог бы объяснить даже он

сам. Видимо, ясность сознания возвращалась к нему очень редко. Но факт есть факт...

Прапорщик Кац сидел за чистым столом, на котором одиноко стоял стакан газировки или какой-то другой жидкости. На дне стакана блестела маленькая золотая звёздочка. Глаза у Каца были грустные-грустные, видимо, после вчерашних посиделок по случаю присвоения ему очередного звания — старший прапорщик. Новые погоны он пришить ещё не успел и пока оставался просто прапорщиком. Он с трудом оторвал глаза от стакана и уставился на вошедших в кабинет ребят:

— Это опять ви? Божешь мой! Зачем вас ко мне присылают? Идите в курилку и покурите. Когда покурите, покурите ещё раз. Когда курить надоест, плюйте в потолок, у кого больше попаданий. После этого возьмите рядового Сенчука и проконтролируйте, как он побелит стену и потолок после ваших плевков. И только после этого доложите о выполнении и пойдёте на обед. После обеда ви свободны! Всё ясно? Не слышу ответа!

— Так точно! — дружно рывкнули Саня и Женька и с хохотом вывалились из кабинета, предварительно застряв в дверном проеме.

— Я курить не хочу. Пойду дембельский альбом порисую, — сказал Белозёров и пошёл в помещение, где располагались душевые кабинки.

Душевая комната была предусмотрена проектом, но когда строилось здание, всю сантехнику удачно разворовали, поэтому помещение использовалось как временный склад для старых вещей, которые вроде бы и надо выкинуть, да вдруг пригодятся! В третьей кабинке у окна, где было больше света, Саня организовал маленькую художественную мастерскую, где и рисовал

свой дембельский альбом, а также выполнял мелкие распоряжения командира и старшины роты. Он делал всевозможные таблички для обозначения помещений и рисовал плакаты для учебного класса. На свою душевую кабинку он сделал табличку с номером «три» и повесил на дверь. И на вопрос к дневальному, то есть к солдату, дежурившему в помещении роты: «Где сержант Белозёров?», можно было услышать ответ: «Он в третьей кабинке!»

В дверь кабинки номер три кто-то громко постучал носком сапога. «Солдаты так не стучат», — подумал Белозёров и убрал в тайник фотографии, приготовленные для дембельского альбома, потом быстро вымазал руки красной краской и открыл дверь. На пороге стоял командир роты капитан Дягиль. «Хорошо, что убрал фотографии», — подумал Саня, а вслух громко сказал:

— Здравия желаю, товарищ капитан!

— Чем занимаешься? — Дягиль подозрительно посмотрел на руки Белозёрова.

— Выполняю распоряжение старшины роты, делаю таблички для бункера на «территории», — Саня показал рукой на заготовки, сделанные днем раньше.

— Таблички — это хорошо, давно пора обновить, а зачем дверь закрыл и так долго не открывал? — сказал капитан и в упор уставился на Белозёрова, будто хотел загипнотизировать.

«Не поддаюсь я гипнозу», — съехидничал про себя Саня, а вслух тихо сказал:

— Так я же с трафаретами работаю, работа тонкая, чуть рукой дёрнешь — и весь труд насмарку. Отрываться нельзя. Товарищ прапорщик просил побыстрее сделать, вроде бы начальство к нам в гости должно приехать.

А краске ещё высохнуть надо, а сохнет она долго. А тут ходят всякие, отвлекают от работы.

— Что значит «всякие»? — вскипел капитан.

— Я имел в виду солдат. Кто в альбоме попросит эмблему связи нарисовать, кто письмо помочь написать любимой девушке, в силу своей неграмотности и непроходимой дремучести. А вы что подумали, товарищ капитан?

— Так я... то и подумал. Кому это, мол, нечем в рабочее время заняться? Я быстро разберусь. Это вот, так что... — Дягиль стусевался, отошёл к окну и закурил. Он частенько заходил к Сане в душевую и вел душещипательные беседы. Белозёров в роте связи — человек временный, подчиненным его не был, видимо, поэтому капитан частенько позволял себе поболтать с Саней на некоторые запрещённые для других темы.

Гарнизон, где они базировались, был небольшой, и все про всех всё знали, здесь же ничего не скрыть. Жена капитана — Лиза Плоткина, красивая рыжая бестия, не захотевшая взять фамилию мужа, беспробудно гуляла и, работая на продуктовом складе, частенько ложилась под солдатиков прямо на мешках с картошкой. Знал об этом и капитан и заливал своё горе водкой. Служил бы он в большом городе, где есть выбор незамужних женщин, скорее всего, уже развёлся бы со своей супругой. А тут в сопках выбор невелик — или своя, или чужая офицерская жена. «С чужой не всегда получается, так что лучше иметь под боком свою», — вероятно, думал капитан Дягиль, опрокидывая очередную стопку водки. В большом городе, может быть, и Лиза бы была другой, а тут самое крутое развлечение — надеть новое платье и дойти до единственного в гарнизоне продуктового

магазинчика, а потом обратно домой. Ни театров тебе, ни даже маленького кинотеатра, только душный зал в сарае, громко называемый «Дом офицеров».

Однажды и Белозёров попался на глаза капитанской жене. Она, увидев «свежее» лицо в гарнизоне, тут же под предлогом, что ей нужна мужская помощь, затащила его на свой склад. Сняв с себя рабочую фуфайку, она осталась в весьма соблазнительном халатике и предложила Сане стакан «семьдесят седьмого» портвейна, так сказать, перед началом работы. Что-то горячее зашевелилось в Белозёрове, но вдруг перед его глазами всплыло несчастное лицо капитана Дягиля, и Саня, сославшись, на то, что ему срочно надо в штаб, быстро ретировался. Ухмыльнувшись, Лиза выпила стакан портвейна и, распалившись, ближе к вечеру принимала на своём складе всех желающих. «Может, я зря отказался?» — думал впоследствии Белозёров, но самому набиваться не хотелось, а Лиза, видимо, затаив обиду, больше его на склад не приглашала. На том и закончилась эта романтическая любовь.

Капитан Дягиль молча выкурил, стоя у окошка, сигарету и, тут же закурив вторую, как обычно, начал разговор, постепенно подводя его к наболевшему:

— Никак майора не получу. Надоело здесь до чёртиков! Скука, солдаты меня не уважают, за спиной посмеиваются.

— Так, товарищ капитан, за что же вас уважать? — постепенно наглеет Саня, глядя в окно как бы мимо капитана. — Вы помните, что вчера отчебучили?

— А что я отчебучил? — заволновался Дягиль.

— Ну, после того, как обмыли звёздочки старшего прапорщика со старшиной роты?

— После? Так я домой пошёл и лег спать.

— А потом?

— Что потом? Что потом? Белозёров, ты чего говоришь загадками, опросник тут мне устроил! Потом я спал до утра и утром пришёл на службу! — Дягиль нервно заходил по узкой душевой.

— Так вот, спать вы легли не сразу. Сначала вы в час ночи пришли в гражданской одежде и домашних тапочках на босу ногу в казарму и сыграли: «Рота, подъём!» А когда все построились, устроили спортивные состязания по поднятию тяжестей. Видя ваше состояние, все прикинулись хлюпиками и дураками, а вы решили показать, как надо правильно поднимать гирию.

— И что, я поднимал гири?

— Да, гирию вы действительно подняли, но при этом уснули стоя и вместе с гирей упали на шкаф с противогазами. Вас потом так, вместе с гирей, и отнесли на руках домой. Не смогли гирию вырвать из рук, так как вы сильно при этом ругались и обещали всех тунеядцев и дебилов сгноить на «губе» как не справившихся со сдачей обязательных воинских нормативов!

— Твою мать! А я утром думаю, что за гирия в прихожей? И старшину с утра, оказывается, зря поставил по стойке «смирно». И отругал... Почему, мол, дверь на шкафу с противогазами сломана, распустил, мол, личный состав, нет достойной дисциплины...

«А, так вот откуда ветер дует про достойную дисциплину!» — вспомнил Саня утреннюю лекцию лейтенанта Рыбочкина.

— Вот такие дела... — закончил он рассказ о событиях прошлой ночи и, состроив наивные глаза младенца, посмотрел на капитана.

— Ты это, короче, Александр, человек вроде нормальный. Ты когда вернёшься в полк, не рассказывай про это... ну, ты понял. А то я так и сгнию здесь в сопках в капитанских погонах! — Дягиль, будучи жутким аккуратистом, в сердцах плюнул на свой окурок и бросил его прямо на кафельный пол. — Ну, бля! Если ещё что-нибудь сегодня случится, я застрелюсь, всё равно это не жизнь! — быстрым шагом он вышел из душевой, громко хлопнув дверью.

Сразу после этого Белозёров услышал его голос:

— Дежурного по роте ко мне! Распустились совсем! Собрать всех офицеров и прапорщиков. Почему командир должен следить за порядком в роте? Где старшина? Бегом ко мне! Всех сгною на гауптвахте!!! Из нарядов у меня не вылезете!

Потом Дягиль забежал в учебный класс, со всего размаха раздражённо хлопнув дверью. Дверь с треском закрылась, и что случилось за ней, не видел никто. Зато все услышали грохот и приглушённый стон. Зайти посмотреть, что это было, никто не решился. Минут через десять из-за двери появился бледный Дягиль, держа в руках стенд с фотографиями высшего руководства Вооружённых сил. Он дошёл до душевой и, отдав стенд Белозёрову, тихим голосом сказал:

— Сержант, дай команду повесить стенд на место, — после чего вышел из помещения роты и больше не появился, несмотря на то, что в учебном классе по его приказу собрали всех офицеров и прапорщиков.

Взглянув на стенд с торчащими из него гвоздями, Белозёров сразу понял, что случилось. За вспышку гнева Дягиль был наказан высшим руководством Вооружённых сил ударом в голову посредством тяжёлого стенда

с их фотографиями, висевшего над дверью в учебный класс.

Но это были ещё цветочки. Капитан, когда говорил Белозёрову, что если, мол, сегодня ещё что-нибудь случится, то он застрелится, оказался почти прав. Как говорят в народе, сглазил. Ошибся он только во времени, потому что дальнейшие события развернулись рано утром следующего дня.

Знай он о них, то наверняка бы уже загодя почистил свой пистолет, чтобы, не дай бог, не перекосило патрон, когда он надумает застрелиться...

История про то, как лёжа в кустах медаль заработать

— Рота, подъём! Тревога!!! — Крик дежурного по роте полоснул, как острый нож, по нервам.

Белозёров ещё не успел включить сознание, когда вокруг него затопали десятки ног. Только он спустил ноги на пол, как на него с верхнего яруса кровати грохнулся рядовой Белых. Пока Саня в мозгу формировал грубое армейское ругательство, все уже стояли в строю. Он потихоньку встал позади строя, предвидя будущие действия.

«Опять ротный с тоски решил устроить “учения”, не спится ему по ночам. Видимо, с женой поругался и на нас хочет отыграться», — думал Саня, присаживаясь на табурет, чтобы поправить портянки.

— Повзводно, быстро получить оружие и построиться на улице! — прокричал дежурный по роте и бегом побежал открывать оружейную комнату.

Все, как стадо баранов, толкая друг друга, бросились к оружейной комнате. Саня так и остался сидеть на табурете, потому как закреплённое за ним личное оружие было в полку в Мурманске. Когда солдаты уже выбежали из казармы на улицу, он встал и медленно пошёл за ними. Просто хотел посмотреть, что на сей раз придумал капитан Дягиль, чтобы поразвлечься.

— Белозёров! Получи автомат! — услышал он окрик дежурного и очень удивился.

— Что случилось? — спросил он старшего сержанта Петренко, у которого заметно тряслись руки.

— Не знаю, Сань, но приказано выдать боевые патроны!

— Что? Боевые патроны? Ну, у нашего капитана совсем мозги съехали! Не хватает, чтобы мы тут маленькую войну устроили. Или он хочет провести показательный расстрел Лизки Плоткиной и её сожителей? Тогда в округе останутся только оленеводы и их олени. Вернее, одни олени. Да и то только потому, что они тоже, как и он, — дурни рогатые!

— Ладно, Сань! Хватит хохмить. Получи автомат и бегом на улицу! Улетай, а мне ружкомнату ещё надо закрыть и опечатать!

После этих слов Белозёров действительно вылетел на улицу и встал в строй возле командного состава роты.

Капитан Дягиль ходил перед строем и был трезв, как никогда.

— Слушаем боевую задачу! — прокричал он и остановился, переводя дух. — Из мест заключения совершили

побег два опасных преступника. Они движутся в направлении норвежской границы и, возможно, появятся в расположении нашего гарнизона. Они вооружены, так как по пути следования убили часового и охотника. У них в руках могут находиться автомат Калашникова, охотничье ружьё и холодное оружие! Вероятно, в наличии имеются шестьдесят патронов от автомата и примерно тридцать ружейных патронов. Приказано ввиду опасности сбежавших живыми их не брать, работать на их уничтожение. Я развязываю вам руки, бойцы, всё беру на себя. Командиры взводов, ко мне!

— А до дембеля было так близко, — тоскливо протянул Женька Самойлов и посмотрел на Белозёрова.

— Будет день, будет и пища, — только и выговорил Саня, пристегнув магазин с патронами к автомату.

Лейтенант Рыбочкин бегом вернулся после инструктажа командира к своему взводу и сказал:

— Самойлов, Белозёров, вы причислены для усиления к моему взводу. Как поняли?

— Есть на усиление к третьему взводу! — крикнул Белозёров.

— Есть на усиление к третьему взводу! — повторил Самойлов.

— Ну что, брат, пошла работа. Вот и мы на что-нибудь сгодимся! — сказал Саня Женьке и, встав позади лейтенанта Рыбочкина, зашагал за ним в сторону ближайших сопок.

Прошло уже, наверное, часа три, когда они подошли к самой высокой точке в расположении их гарнизона. Это была огромная сопка, без растительности, поднимающаяся под углом примерно сорок градусов. Лейтенант дал команду остановиться, и тут же прозвучала

автоматная очередь. Пули зацокали по камням и стали рикошетить в разные стороны. Все разом, без команды рухнули на землю.

— А дембель был так близко, — повторил Белозёров слова Женьки и уткнулся лицом в траву. Трава вкусно пахла, и Саня зарылся в неё ещё глубже. «Ну почему так не везёт?» — подумал Белозёров, когда услышал команду лейтенанта:

— Взвод, в атаку, за Родину, за мной вперёд!!! — лейтенант приподнялся и пополз по сопке вверх.

«Хорошо хоть, не за Сталина. Он что, идиот? — думал Саня, глядя на ровную поверхность сопки. — Тут можно даже не целиться, а только положить автомат на землю, под уклон сопки, и нажать на спусковой крючок, остальное сделают пули. А ты только води автоматом в разные стороны. Будет куча трупов. Да! Лейтёха, видимо, решил заработать медаль и уехать из этого Мухосранска как герой! Ребят только жалко. Да и меня тоже мама ждёт».

— Товарищ лейтенант! — заорал Белозёров — Нельзя вверх по сопке, перестреляют всех, как куропаток!

— Молчать, сержант! Выполнять мою команду! Все за мной! Вперёд, орлы!!!

Белозёров думал всего несколько секунд, затем пополз к Рыбочкину и, встав на колени, прикладом автомата ударил его в лоб. Все, кто это видел, ахнули, но ещё плотней прижались к земле, потому что сразу прозвучал выстрел из охотничьего ружья. Лейтенант без звука ткнулся лицом в траву.

— Радиостанцию ко мне! — закричал Саня. — Беру командование на себя! Лейтенанта, пока он без сознания, связать и перевязать ему голову!

Наступила минутная пауза, которую Белозёров прекратил страшным криком:

— Для непонятливых, повторяю, беру командование на себя! За всё отвечаю я! Радиста ко мне!

К нему подполз молодой солдатик с переносной радиостанцией на спине.

— Свяжись с соседями, с пехотой, передай, что вышли на объект и просим поддержки. Как понял? Приём, военный! Остальным по возможности вести огонь одиночными выстрелами по цели. Беречь патроны. Нам их больше никто не принесёт.

Солдаты начали стрелять, а радист в это время связался с соседями, и минут через двадцать к нему подполз старший лейтенант из пехоты.

— А где офицеры? — спросил он, оглядывая близлежащие кусты.

— Товарищ старший лейтенант! Сержант Белозёров, старший по команде. Офицер ранен и эвакуирован. Бандиты на сопке. Атаковать невозможно. Открытая поверхность, нет даже кустов. Вот если бы миномётом или ещё чем? А у нас только автоматы и всё.

— Можно и миномётом, и ещё чем. — Старлей долго смотрит в бинокль, а потом даёт распоряжение своим подчинённым о необходимых корректировках по цели.

— Огонь! Огонь! Огонь! — троекратно с равными промежутками прозвучала команда на поражение цели. И три мины ушли по направлению к вершине сопки.

На сопке полыхнули три вспышки от разрыва мин, и потом донёсся троекратный грохот. Старлей опять посмотрел в бинокль и медленно поднялся с земли:

— Вставай, сержант! Пойдём, посмотрим. Только аккуратно, без фанатизма, соблюдай осторожность, мало ли что, а?

Преодолевая предательскую мелкую дрожь в коленях, Белозёров вслед за старлеем поднялся на вершину сопки, держа наизготовку автомат.

Наверху лежали два трупа, если это можно было назвать трупами. Больше они были похожи на разделанные свиные туши с мясокомбината. Ноги и руки почти оторваны, у одного в глазу торчит ствол автомата. От охотничьего ружья остался только металлический ствол, намертво застрявший между камней, остальное было перемолото в щепки. Белозёров думал, что его стошнит, но ничего не произошло. Он тупо смотрел на убитых, а затем тихо пробормотал себе под нос:

— Вот он, дисбат, обидно, что перед самым дембелем. Тут и сказочке конец, всем пришёл большой и пушистый зверёк писец.

— Ты о чём, сержант? — спросил старлей.

— Да так, о своем, о женском, — через силу пошутил Белозёров. — Спасибо родной пехоте, разрешите идти, товарищ старший лейтенант? Пойду, доложу руководству о ликвидации бандитов и проверю, как там раненый командир.

Он медленно, на ватных ногах спустился с сопки, приказал развязать Рыбочкина и доложил:

— Товарищ лейтенант, согласно вашему приказу бандиты силами приданной вам группы и соседями из пехоты ликвидированы. Жду ваших дальнейших распоряжений, — и, не слушая маты и ругань Рыбочкина, медленно пошёл вниз по склону сопки к расположению своей части.

Дойдя до расположения роты, он сдал под расписку автомат дежурному по роте и рухнул на кровать, даже не сняв сапоги. Отключился он сразу и уже не мог слышать, как орал вернувшийся с разбитой головой лейтенант Рыбочкин и как его, молча, опустив глаза в пол, слушал командир роты капитан Дягиль. Проснувшись по подъёму, Саня побрился, собрал вещи в небольшой чёрный пластмассовый чемоданчик, сел на табурет и стал ожидать своей участи. Через полчаса в роту пришёл Дягиль и, отозвав Белозёрова в сторону, тихо сказал:

— Белозёров, в дисбат хочешь?

— Нет. Не хочу.

— Тогда вот тебе проездные документы до Мурманска и забудь, что было вчера утром. Ты, как прикомандированный к моей роте, при проведении операции по задержанию опасных преступников задействован не был и крепко спал. Как понял меня, приём?!

— Так точно, товарищ капитан, крепко спал! Разрешите отбыть к месту службы!

— Разрешаю! Выполнять! — громко сказал Дягиль и уже шёпотом добавил: — В виде наказания пойдёшь до станции пешком, думаю, не замёрзнешь. А замёрзнешь, ну и мне легче. Тогда уж похороним тебя как героя, отдавшего свою жизнь при задержании опасных преступников. Бегом марш на станцию!

Через час Саня доплёлся до станции живым! Спасибо тебе, господи! Прощай, славный посёлок Лоустари! Что там впереди?

СОДЕРЖАНИЕ

Винегрет из нашей жизни 3

Кто в армии служил, тот в цирке не смеется

Дитя всех народов

Гражданская жизнь	11
Телецентр	25
Призывной возраст	27
Начало пути	32

Аты-баты, шли солдаты

Караульная служба	38
Гладиатор	52
В лесу родилась ёлочка, или На войне как на войне	67
Траурные ленты	79
Язык до Киева доведёт или до цугундера	89
Заграница	93
Окоп	104
Гауптвахта	112

Неизвестная война

Начало	129
Первая кровь	132
Там, за облаками	136
Женщина в белом	139

Территория	
Комариный рай	155
И смех, и грех, и лёд холодный	178
Дальний гарнизон	
Рыба гниёт с головы	196
История про то, как лёжа в кустах медаль заработать ..	206
Эх, казарма, дом родной!	
Возвращение героя	213
Художка, немцы и французские девчонки	214
Спят усталые игрушки	227
Маленькая победа	231
Как нарушать безобразия?	233
Фиолетовая девушка	240
Возвращение	
Мама	252

Для связи с автором
ashemionko@ya.ru

Александр Феликсович Шемионко

**КТО В АРМИИ СЛУЖИЛ,
ТОТ В ЦИРКЕ НЕ СМЕЕТСЯ**

Серия «Винегрет из нашей жизни».
Книга первая

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректоры *Н. М. Баталова, Н. П. Дралова*
Оригинал-макет *Е. Н. Ванчурина*

Подписано в печать 15.03.2013. Формат 70×100^{1/32}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,3. Тираж 300 экз.
Заказ № 045Р.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: renome@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru